

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Андрей Посняков

ДОВМОНТ

КНЯЗЬ-МЕЧ

Историческая фантастика

Андрей Посняков

Довмонт. Князь-меч

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Посняков А. А.

Довмонт. Князь-меч / А. А. Посняков — «АСТ»,
2018 — (Историческая фантастика)

ISBN 978-5-17-106939-1

Могучий ветер войны несет на полчища немецких и датских рыцарей суровую дружину Довмонта – псковского князя, бывшего литовского вождя-кунигаса... и бывшего нашего современника, Игоря Ранчиса. Ливонцы нарушили клятву, но коварный враг повержен, и вот уже вся Довмонтова рать огнем и мечом проносится по балтийскому побережью, сея ужас и смерть. Однако безмятежно наслаждаться успехами не получилось. На выгонах и в лесах один за другим находят истерзанные трупы – результаты кровавых убийств, а еще нужно вычислить ливонского шпиона в самых высших кругах! Ко всему прочему добавилась угроза из будущего, и теперь в опасности жизнь Довмонта... и Игоря. Найти надо всех: и неведомых убийц, и шпиона... и того, кто пробрался в будущее.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-106939-1

© Посняков А. А., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Андрей Посняков

Князь-меч

Серия «Историческая фантастика»
Выпуск 3

© Андрей Посняков, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Глава 1

Ночь кончалась. Не сказать, что уже наступило утро, но все же расплзалась, таяла на глазах зыбкая темень, исходила туманом на плесе, готовилась выпасть на лугах бурной прозрачной росой – предвестницей жаркого летнего дня. Тишина стояла мертвая, лишь слышно было, как поскрипывали уключины, да еще где-то далеко в лесу уныло куковала кукушка.

Широкий плоскодонный баркас неспешно плыл по течению реки Великой, и уже совсем скоро должен был показаться Псков, богатый торговый город, вольготно раскинувшийся меж двух рек. По бортам баркаса висели щиты с гербами немецких городов – Любека, Штеттина, Риги. Со стороны это показалось бы странным (если б случилось кому смотреть) – заморский торговый гость зачем-то плыл в одиночестве – искал свою погибель? Мало ли водилось в здешних местах лихих разбойничьих шаек? Завидят лиходеи одинокий корабль, засвистят, ринутся на многочисленных лодках, обложат судно, как волки оленя! Тогда не помогут купцу ни воины в кольчугах и крепких кирасах, ни мольбы о пощаде, ни даже молитвы. Зачем же тогда такой риск? Наверно, на то имелись причины. Не зря, ох не зря, пробирался одинокий «немец» в тихой ночи, таясь от любопытных взглядов. Недаром поотстал баркас от большого торгового каравана, крался по-тихому, а шкипер с горбатым носом, кутаясь в плащ, шарил цепким взглядом по правому берегу реки. Что-то высматривал? Или кого-то? Но что можно было сейчас разглядеть-увидеть? Разве что костер.

И вправду – за излучиною, на плесе, замигала вдруг тусклая желтая звездочка, такая, что не всмотришься – не заметишь. Потянуло дымком...

– Костер, господин, – доложили гребцы.

Шкипер усмехнулся, погладил бритый подбородок.

– Вижу. Думаю, это они и есть. К берегу!

Погрузившись в воду, застыли, затабанили весла по правому борту, левые же совершили мощный гребок. Баркас резко повернул к плесу.

Лето нынче выдалось удачным. Хватало всего – и жары, и дождика, правда, старики жаловались, будто «погода бесится». Правда и есть – еще вчера ярко светило-жарило солнышко, а сегодня – оп! – и похолодало резко, и задождило, ровно как осенью, где-нибудь в октябре. А

назавтра, глядишь, и снова зной, такой, что хоть сбрасывай с себя одежду да сиди день-деньской в реке – в Великой или в Пскове. Лучше – в Великой, та пошире, попрохладнее.

Вот так же нынче и сидели на реке отроцы-ребята. Микитка Овруч, Колька Шмыгай Нос да братья Еремеевы – Кабан с Лосем. Батюшка их, Еремей Волчий Хвост, охотником считался знатным, сам Довмонт-князь, когда охоты устраивал, обязательно про Еремея вспоминал. Да и так, без охоты – жаловал, чем братовья не уставали хвастать.

Самый старший из всей компании – Микитка Овруч. Пятнадцатое лето шло парню, уже взрослый совсем, отцу-гончару – подмастерье, помощник. Широкоплечий, плотный, и в руках сила есть, вот только лицо – в оспинках, рябое, ну да с лица воду не пить.

Кабан да Лось, Еремеевы братцы – оба на одно лицо. Головы круглые, волосы белобрысые, картошкой носы. Только старший – Кабан – малость повыше, зато Лось, годом брата младше, пошире в плечах.

Колька Шмыгай Нос – хилый, болезненный, потому так и прозван. На два годка Микитки моложе, а по виду – так и на все четыре! Маленький, тонкорукый, на живом тонком личике – одни сияющие глаза. Большие, синие, как у святых на ромейских иконах. Ресницы длинные, как у девицы, да и сам Колька, как красна девица, вечно смущался, краснел. Худобы, слабосильности своей стеснялся, а еще – ушей. Вот у всех уши как уши – плотно прилегли к голове, у него же – торчат, словно у кувшина ручки. Правда, русые волосы – длинные, густые, вот и не видно ушей. Да ладно с ушами, пес-то бы и с ними, хуже другое – не было у Кольки счастья, не сложилась жизнь, хоть даже и толком-то еще не началась. Сирота, рос на Застенье, у тетки, Мордухи-вдовы. У Мордухи – целая усадьба; коровы, гуси, утки. Работы хватало, держала тетка и закупов и холопов-рабов. Вот и Шмыгай Нос – тоже как раб, хоть и родственник. С парнями же – с Микиткой да Еремеевыми-братовьями, сызмальства на Застенье. Застенье – так псковский посад называли, потому что – за стенами Крома-кремля. Там еще одну стену возводили – могучую – по приказу Довмонта-князя.

– Кольша, дровишек бы в костерок-то подбросил! – Микитка Овруч повернул голову и ухмыльнулся. – Эй, Кольша! Ты спишь, что ли, там?

Подобрав с земли сучок, Микитка швырнул его в отрока, угодил в плечо. Шмыгай Нос тут же встрепенулся, сверкнул глазами:

– А? Что?

Еремеевы грохнули смехом. Не очень-то громко – лес да река шума лишнего не любили, особенно ночью. Впрочем, ночка уже утром высвечивалась, небо уже было не темным, а серовато-синим, и луна со звездами не золотом отливали – серебром.

– За дровишками, говорю, сходи.

– За дровишками? Ага... сейчас... мигом.

Подскочив, Колька рванулся в заросли, затрещал хворостом... Его сотоварищи пока разбирали снасти: сети, уды с длинными – конского волоса – лесками. На вечерней зорьке клев нынче что-то не шел, всего-то и поймали два небольших осетра, остальное все – сорная рыба: лец, подлещики, щуки, налим. Окуней не брали – выбрасывали, костлявые больно. Не клевало, вот и решили парни остаться на утро – вот как раз сейчас и пора бы уже собираться: сети проверить, удочки побросать. Пора, да – вот-вот и рассвет.

– Чу! Ладья чья-то, – приподнявшись, указал пальцем востроглазый Лось.

Овруч не поверил:

– Да ну! Показалось. Просто, верно, топляк. Ну, какая ладья посейчас, ночью?

– А ты глянь!

Костер уже не горел, а так, таял, сверкал углями. Поднявшись на ноги, Микитка раздвинул ветки дивной плакучей ивы, прищурился... Точно – ладья!

– Ушкуй небольшой... Верно, немецкий.

– А почему немецкий, Микита?

– По бортам – щиты, видите, какие?

Не русские были щиты. Треугольные, верно, с затейливыми картинками – гербами, хотя сейчас все равно ничего не разглядеть – темно, да и далековато малость.

– И чего немца сюда понесло?

– От каравана, верно, отбился да заплутал. Ишь, как плавно идет. Еле тащится!

– Небось, мелей боится.

– А вот и я!

Вынырнувший из зарослей Колька Шмыгай Нос ухнул в догорающий костерок хворост. Сразу же занялось, вспыхнуло яркое желтое пламя, рванулось языками едва ль не до неба!

– Вот ведь скаженный! – дав Кольше «леща», беззлобно выругался Овруч.

Шмыгай Нос обиделся, заканючил:

– Ты ж сам сказал – дрова...

– Тебе волю дай – весь лес пожжешь! – негромко рассмеялся Микита. – Помаленьку кидай, помаленьку.

– О! А ладья-то!

Еремеев Кабан махнул рукою, а братец его добавил:

– Эко как попер! Видать, к нам на костер, да.

В самом деле, после яркой вспышки огня баркас вдруг увеличил скорость, пошел напористо, бесстрашно – словно точно знал, куда.

– Немцев нам еще не хватало, – одернув холщовую рубаху, опасливо буркнул Овруч.

Пробурчал и сразу наткнулся на возражения.

– Так это ж славно – купцы! – наперебой закричали братовья. – Гости торговые! Сейчас у них разживемся чем-нибудь. Ухой угостим!

– Ага! Где ваша рыба-то?

– Гости – славно! – Колька потер руки, уж ему-то, по малолетству и малахольности своей, от торговых гостей завсегда чего-нибудь перепало. То пряник медовый, то пирог, то обломок желтенького стеклянного браслетика, а как-то раз – мелкая серебряная монетка, немецкий пфенниг. Пфенниг тот Колька на усадьбе, в дальнем углу зарыл, под навозной кучей – и место то приметил. А тетке не сказал, ну ее! Отберет, не моргнет глазом. Еще и выпороть прикажет. Очень уж Шмыгай Нос не любил, когда его пороли – больно, да обидно – ужас как.

Немецкая ладья шла четко на костер, уже можно было разглядеть и гребцов, и гербы, и стоявшего на носу высокого человека в длинном плаще. Истинный немец! Патлы – до плеч, нос – как у хищной птицы.

В это же самое время, совсем недалеко от ребят, из узкой лодочки выбрались на берег двое. Один – судя по виду – господин, другой – слуга. Господин, статный, с открытым светлым лицом – богатый купец или даже боярин – в мягких кожаных сапогах без каблука, в летней верхней тунике – свите – добротного лазоревого сукна с аксамитовыми клиньями-вставками по подолу. На голове – круглая шапка, отороченная беличьим мехом, свита же наборным пояском подпоясана. Необычный пояс – «татарский», на серебряных бляшках – затейливая арабская вязь. Во всем Пскове мало у кого такой поясок сыщется.

Слуга же выглядел, как слуга. С неприметным лицом и пегой бородою, небольшого роста, плечистый, жилистый и, видимо, очень сильный. Одет просто – кожаные поршни с онучами, длинная холщовая рубаха, порты. На поясе – нож длинный, а у господина – кинжал.

Пройдя камышами, оба выбрались на берег, господин приказал слуге тотчас разжечь костер.

– Да поторапливайся. Как бы мы не опоздали!

– Не опоздаем, господине, – криво ухмыльнулся слуга. – А они, ежели что – подождут. Утром, по солнышку, как раз и выйдут к пристани. Никто и не подумает ничего.

– Давай, давай, разжигай, – господин нервно дернул шеей.

Слуга исчез в кустах, захрустел хворостом... и вдруг выбрался обратно, без дров, но с крайне озабоченным видом:

– Кто-то уже разложил костер! Здесь, невдалеке... рядом. Верно, рыбаки... Опасно это... да-а...

– Рыбаки? Этого еще не хватало! – раздраженно сплюнул хозяин. – Откуда они здесь взялись? Обычно ведь куда ближе к городу ловят. Ладно... пойди, посмотри... Хотя нет. Вместе пойдем. Глянем.

Брошенный в костер хворост быстро догорал, и Микитка опять послал Кольшу за дровишками. Шмыгай Нос повиновался с явной неохотой, уж больно хотелось посмотреть на купцов и, пользуясь случаем, что-нибудь выпросить. Однако, если поторопиться, то еще можно успеть... Да и вообще – если уж причалят, так сразу-то не отвалят. Однако же могут и не причалить. Просто подойдут поближе да спросят путь. Ну, чтоб на мели не напороться. Так бывает, отобьются от каравана – и на тебе. Тогда могут и ребят попросить провести ладейку. Почему бы и нет? Дадут по пфеннигу... Славно! Тот пфенниг, что под навозной кучей, и этот – уже два пфеннига. А два – это не один...

Пока погруженный в сладостные предчувствия Кольша шарился по кустам, его сотоварищи с любопытством глазели на приближающуюся ладью. Даже приветливо помахали руками. Крюконосый в ответ кивнул, улыбнулся... что-то сказал гребцам. Судно замедлило ход, осторожно поворачиваясь к берегу бортом.

В этот момент позади отроков послышались чьи-то легкие шаги. Верно, Колька принес дрова... что-то быстро...

Микитка обернулся...

– Ой! Господине...

– Господине!!! – братовья крикнули хором, видать... узнали. – А мы тут – рыбу. И вот – ладья.

– Рыба – это хорошо. И много вы тут поймали?

Господин – по виду, боярин! – переглянулся со своим слугой. Взгляд этот почему-то очень не понравился Микитке... Слишком уж быстрый, жесткий, звериный... словно все уж давно решено, осталось лишь сделать.

И сделали!

Лось Еремеев нагнулся, показать гостям рыбу...

Ловко вытащив кинжал, боярин ударил его в спину, прямо под сердце! В то же время приземистый угрюмый слуга воткнул острый клинок в грудь второму братцу, Кабану! Все это быстро, проворно – Овруч не успел моргнуть и глазом. А когда моргнул, кинулся было бежать... И словил нож в шею! Прямо на бегу! Что-то ударило, ожгло – словно «жикнула» гадюка. Потемнело в глазах, качнулось светло-синее небо, высокая трава поднялась в полный рост... и все померкло. Навсегда. Во веки веков.

Сделав пару шагов, слуга нагнулся и, вытащив нож, вытер его об одежду убитого, после чего обернулся к хозяину, посмотрел, словно преданный пес:

– Может, в реку их?

– Зачем? Чтоб всплыли на пристани? Пусть уж гниют здесь. Оттащи в лес да забросай ветками. А там – лисы, волки, медведь.

Пока слуга управлялся с убитыми, баркас встал рядом с берегом. Крюконосый шкипер прыгнул прямо в воду, на отмель, принял с борта небольшой, но увесистый мешок. Притащил, улыбнулся:

– Вот обещанное серебро, уважаемый герр!

Сказав, не удержался, похвалил:

– Лихо вы их! Быстро и действенно. Но... стоило ли? Можно было к вам на усадьбу...

Боярин дернул шеей:

– Еще римляне говорили – и стены имеют уши. Я бы добавил: а улицы – глаза. В городе мы вряд ли смогли бы встретиться незаметно. К тому же я доверяю отнюдь не всем своим слугам. Отнюдь не всем. Это – самое удобное место. И для меня, и для вас.

– Однако... – шкипер кивнул на утаскивающего трупы слугу.

– Что ж, – меланхолично скривил губы боярин. – Предусмотреть все нельзя. Но можно исправить.

– О, это очень верно, уважаемый герр! Недаром магистр так ценит вас. Очень-очень ценит!

* * *

Степан-тиун отправил часть своих людей на отмель и к омутку – пройтись с бродцом. Вдруг да отроки просто утонули? Такое вполне случиться могло, вот и в глазах самого князя эта версия выглядела самой вероятной. Ну, не в лесу же заплутали? Что им там делать, отрокам, явившимся на плес половить рыбки. Да, лодка не перевернута, стоит себе спокойно в камышах, неподалеку, на бережку – черная проплешина кострища, хворост, шалаш. В шалаше обувь – пара вполне добротных сапог, судя по размеру – на вполне взрослого парня. Рядом с кострищем, в траве – котелок и деревянная ложка.

– Ищите еще ложки, – подумав, велел высокий блондин лет тридцати с серо-стальным взглядом. Аккуратно подстриженные, но довольно длинные волосы до плеч, холеные усики, небольшая бородка, тоже холеная, на левой щеке – родинка. Красавец, какие обычно нравятся девам, к тому же – красавец богатый и облеченный властью, о чем красноречиво свидетельствовала длинная рубаха синего немецкого сукна, нарядный наборный пояс с мечом и красный княжеский плащ – корзно, застегнутый на левом плече золотой фибулой. Меч был явно боевой, не парадный – в простых ножнах, с довольно большим перекрестьем и простой рукоятью, украшенной черненым серебром без излишней вычурности. Такая уж была мода в те времена, пришедшая из крестовых походов, из Святой Земли, где создавались рыцарско-монашеские ордена, девиз которых – скромность и умеренность во всем – коснулся и оружия. Даже – княжеского, к слову сказать.

– Степан! – спускаясь к притулившейся у отмели ладейке, блондин властно позвал тиуна.

Тот подошел, поклонился – с виду обычный, ничем не примечательный мужичок, разве что с вычурной бородкой и статный, однако лицо вовсе неприметное, правда, слишком уж пристальный взгляд. Одет тиун был просто, но и добротно – верхняя суконная рубаха, сапоги, желтая – колпаком – шапка.

– Да, княже?

И верно, блондин-то был – князь! Да не просто князь – а сам Довмонт Псковский, бывший литовский кунигас Даумантас, чья слава гремела уже от Немецкого моря, Ливонии и Литвы до Новгорода и дальше. Князь... Ну, а кому еще заниматься во Пскове судом и судебными расследованиями? Конечно же князю! Защищай, суди, расследуй. А управлять – на то вече имеется. И в Пскове, и в Новгороде Великом – так. Еще Новгород посадника своего во Псков присылал, поскольку считался «старшим братом». Многих псковичей сие тяготило... и князя, кстати, тоже.

– Поедем уже, – махнув рукой, Довмонт нахмурил брови. – Вечерню нынче сам Симеон-отче вести будет. Нехорошо опоздать.

Отец Симеон был духовником князя, человеком, не так и давно крестившим закоренелого язычника Даумантаса, нареченного ныне благочестивым христианским именем Тимофей. Впрочем, Тимофеем князя мало кто звал, все называли Довмонтом.

Припекало. Стекал по спине под рубахой липкий холодный пот. Выкупаться бы! Но... опять же – пора было поторапливаться. Пока еще доберешься до хором, называемых Довмонтовым градом, пока помолишься, освобождая сердце для отеческих наставлений пастыря – вот уже и время. Честно говоря, Довмонт уже пожалел, что лично выехал на место пропажи отроков. Хватило бы и тиуна. Хватило бы... коли б этот берег не принадлежал негласно той, что так пленила князя... и чьи зеленые очи так хотелось увидеть! Увы, не увидел... но...

Но так хотел, надеялся! Это со стороны кажется, что лес – пустой. Ой, нет! Поди, давно заметили уже и князя, и его людей те, кому надо. Заметили – доложили. Значит, скоро встреча... Ради этого, собственно, Довмонт и отправился на рядовое, в общем-то, происшествие. Еремей-ловчий, устроитель княжых охот, третьего дня бухнулся в ноги тиуну: мол, детушки его пропали молодые. Отправились на реку, за рыбой – и ни слуху, ни духу. Куда именно пошли, охотник не знал, это уже Степан сам, по своим каналам, дознался. Имелись у тиуна глаза и уши в Застенье, имелись.

– Господине! Там... там... – отвлекая князя от вдруг набежавших мыслей, выбежал из лесу молодой растрепанный парень в длинной суконной рубахе и остром, заломленном назад колпаке – один из людей тиуна.

– Да что ты блажишь-то? – спокойно промолвил Степан. – Докладывай по порядку, степенно – где и что?

– Там, в лесу, мертвые. Отроки. Трое. Ветками кто-то забросал.

– Ветками – так, может, медведь... – тиун искоса глянул на князя.

Довмонт усмехнулся:

– Медведь – не медведь, что гадать? Пошли-ка лучше взглянем.

Ну, коли уж представилось здесь быть, так почему б и не поглядеть-то? Может, какая мысль в голову придет, умная... Тиун – тиуном, но он-то все-таки князь! За безопасность города, всех псковичей в ответе! Это не дело, когда кто-то отроков убивает. Выяснить – кто, да враз головенку оттяпать!

Люди тиуна уже освободили трупы от веток, уложили в ряд. Хотя и жарко было, но не настолько много прошло времени, чтоб нельзя было узнать.

– Вот они, охотника Еремея чады, – с ходу определил Степан. – Эти вот двое. Этот – Кабан, тот – Лось. Или наоборот. Но – они, точно. Третьего не знаю. Мыслию – явно тоже из Застенья. Узнаем, кто.

Тиун склонился над трупами, перевернул каждый по очереди... и тихонько свистнул:

– А их всех – ножами, княже!

– Может, мечами? – хмыкнул Довмонт.

– Не, не мечами. Раны-то узкие, вон. А этого, незнакомого – в шею, сзади. Метнули ловконько. Парень-то, видать, бросился бежать и...

– Раны хорошие, – князь внимательно осмотрел убитых. – Я бы даже сказал – добрые раны.

Тиун удивленно приподнял правую бровь:

– Что значит – добрые? Поясни, господине.

В голосе его не прозвучало никакого почтения! Чисто деловой стиль – поясни, и все тут.

Довмонту сие нравилось, тем более Степан считался признанным ищейкой. Еще бы, это ж дело всей его жизни, можно сказать – профессия: искать да ловить.

– А потому добрые, что отрокам лишней боли причинить не хотели, – спрятал усмешку князь. – Могли б и иначе резать, с мучениями. А так – раз, и все.

Тиун покивал:

– Без мучений... быстро! Может, это кто-то знакомый был?

– Может, и так, – в голосе князя слышались нешуточные раздумья. – И это знакомый явился сюда с каким-то тайным делом. А отроки невзначай оказались случайными свидетелями – видоками. Вот их и... Не повезло.

– Не повезло, – согласно кивнув, Степан прищурился. – Не с разбойным ли человеком парни столкнулись?

Довмонт откашлялся – слишком уж нехороший запах шел от убитых:

– Разбойные – не разбойные – узнаем! Поговорю кое-с кем... А ты, Степан, спроворь все в Застенье. Может, кто чего знал, видел, слышал?

– Сделаем, княже, – со всем почтением заверил тиун.

Позади захрустели кусты, прибежал от реки тиунов выюнош с докладом. Не тот заполошный, что кричал о трупах, другой – медлительный такой увалень с вытянутым бледным лицом конторской крысы. Князь даже припомнил, как его звали – Кириллов Осетр. Или Осетров Кирилл. Так как-то.

– Ложки нашли, господине. Четыре!

– Четыре? – разом изумились тиун и князь.

Еще бы... Значит, не трое было отроков – четверо! И куда же четвертый делся? Может, он видел все – и сбежал? Или нашел свою гибель чуть подальше?

– Надо искать, однако... – Довмонт посмотрел на парня. – Постой. Вижу, ты еще что-то сказать хочешь?

– О ложках, княже, – покивал увалень... впрочем, не такой уж и увалень – вполне даже сметливый, ага! Степан кого попало к себе не набирает.

– Две ложки, новые, покупные, – быстро пояснил Кирилл (или – Осетр? Нет, все же – Кирилл). – На Застенье, у Якима-бондаря куплены. Я сам недавно такие покупал. Полбелки отдал. Ясно – это Еремея-охотника чад ложки. Вот эта – самодельная, из дуба выстругана – сила нужна, чтоб из дуба.

Тиун покивал:

– Это вот этот, плечистый.

– И вот – четвертая ложечка, – показал увалень. – Неказистая, старенькая и по концам – обгрызена. Хозяин ее – отроце хиленький, нервный, небогатый. Из закупов, а то и холоп обельный.

– Хиленький, нервный, небогатый, – Довмонт покачал головой; признаться, он ожидал услышать нечто более толковое. – Да таких отроцев по Застенью – сотни, если не тысячи!

– А тут вон еще – буквицы, – хитро прищурился помощник тиуна. – Вона, на стебельке – «Клша». Кольша – значит! Имечко.

– Вот это уже хорошо, – князь посмотрел на тиуна. – С имечком-то гораздо легче искать. А, Степан Иваныч? Верно?

Степан степенно кивнул:

– Да уж сыщем. Ничо. Время только.

* * *

Довмонт вернулся в свои хоромы несколько позднее, чем планировал, но все же к вечерне успел. Поставил свечи, помолился горячо, за кого – во здравие, а за кого уже и за упокой, да после службы остался послушать проповедь. Отец Симеон, как всегда, говорил просто – о жизни, о гордыне неуместной, что ест-клюет людей слабых духом и сердцем.

– Одначе, един говорит – хочу, дескать, себе коня, как у князя, и за того коня готов и сам себя в рабство запродать и чад и домочадцев своих. Окстись, друже! На себя взгляни –

зачем тебе конь, как у князя? Ты ж не князь и князем никогда не будешь. Затем, чтоб князем казаться. А зачем казаться, если не быть? Затем, что пред людьми красоваться – вот гордыня в чем, вот в чем грех великий. Иной думает: сам я плюгавый человечешко, зато на княжеском коне восседаю, и мне, яко князю, почет. Однако ж эти мысли всеу. Никто о ближнем своем денно и нощно не думает, никому нет до другого дела. И зачем тогда княжий конь? Мыслями нутро свое тешить – мол, пусть все на меня такого с восхищением и завистью смотрят. Так ведь не восхищаются. И мало кто завидует, буде такие же грешные души еси. Не восхищаются, не говорят, бо – ой, какой молодец, на таком-то коняке! Нет! Наоборот, поют вослед – вот ведь, дескать, ворюга. Где-то коня свел, собака, чтоб те навернуться с седла. Так и думают, такие и пожелания вослед посылают. Так зачем тогда не князю княжий конь? Скромней надо быть, о том и писанье священное толкует. Именно быть, а не казаться. Если ты сам никто – то и княжий конь не поможет.

Довмонт слушал духовника с удовольствием и, выходя из Троицкой церкви, чувствовал, как душа наполняется благодатью. К себе в хоромы прошествовал князь пешком, отдав поводья коня слугам. Поднявшись на высокое резное крыльцо, постоял властитель немного, любуясь красотами земли псковской, кою с недавних пор считал уже родной. Солнышко село уже, и лишь последние лучи его, теплые, оранжево-золотые, еще цеплялись за прозрачные перистые облака, еще золотили маковки церквей, отражались в слюдяных оконцах многочисленных боярских теремов, зайчиками бегали по крепости – Кромю.

На вершине хором, в опочивальне, блестели чуть приоткрытые ставни. Уже повисла над дальней башней луна, загорелись серебром первые звезды, и князь неспешно поднялся в опочивальню. Горели вдоль лестницы свечи, слуга бросился было вперед – отворить дверь.

– Не надо, – негромко приказал Довмонт. – Ступай себе. Я сам.

Слуга молча поклонился и исчез. Все знали, князь терпеть не мог, когда его одевают-раздевают, словно немощного старца, так что в личном пространстве обходился без слуг, лишь любил, чтоб на широком подоконнике в опочивальне всегда стояла крынка холодного кваса.

Довмонт знал, квас был и сейчас... и, кроме кваса, еще кое-что было. Ставни-то приоткрыты не зря! Кто-то тайно проник, забрался... ловкому и храброму человеку не то чтобы запросто, но вполне возможно. Как вот сейчас...

Князь знал – кто. И даже не положил рук на рукоять кинжала. Просто вошел...

– Это не я! – тут же послышался голос. Обиженный, звонкий, женский. – Ну, правда, не наши. Иисусом Христом клянусь, а еще – Одином, Фрейей и Тором.

Вот это уже было серьезно. Когда девушка из знатного варяжского рода клянется старыми богами – это кое-что значило.

– Ну, здравствуй, Рогнеда, – войдя, князь устало опустился на ложе рядом с улегшейся там же красавицей-девой в богатом мужском наряде. – Давненько не захаживала, что и говорить. Квасу хочешь?

– Попила уже. Вкусный у тебя квас, князь.

Зеленые очи красавицы насмешливо сверкнули, каштановые локоны дернулись. Ах, она была обворожительно хороша, даже и в мужском платье – узкие порты, лазоревая рубаха с шелковыми – модными! – нарукавниками, каждый из которых стоил примерно как две такие рубахи и даже дороже.

– Ты ведь хотел знать, не мои ли люди убили тех отроцев? – погладив князя по спине, тихо спросила гостя. – Отвечаю еще раз – не мои. В чем я уже и поклялась.

– Тогда кто же? – Довмонт скосил глаза.

– Не знаю, – пожала плечами дева. – Ну, не знаю, точно! Да... мои говорили, ближе к утру видели барку на Великой реке.

– Что за барка? – князь вскинул брови.

– Говорят – немецкая. Отбилась от каравана из Риги... Гости рижские привезли сукно, медь да олово, полотна.

Нежная рука юной женщины забралась под воротник князя...

– А ты откуда знаешь про караван? – улыбнулся тот. – Приценивалась?

– Ну да. Я ж и медью, и оловом торгую – ты ж знаешь.

– Пошлины торговые не платишь и купцам нашим многим жизни не даешь, – горестно покивал Довмонт.

Девушка встrepенулась, сверкнула глазищами – рысь! Пантера!

– Не даешь, не даешь, – князь нежно погладил ее по спине, чувствуя через тонкую ткань зовущее тепло податливого женского тела, истосковавшегося по плотской любви. Правду сказать, сам князь тоже истосковался, а потому не стал больше ничего говорить, просто сгреб гостью в охапку, завалил на ложе да принялся с жаром целовать в губы...

– Ах... – Рогнеда закатила глаза, вовсе не пытаясь освободиться. Наоборот, привсталa, подняла с готовностью руки...

Сняв поясok, Довмонт стащил с девы рубахи. Сначала одну – верхнюю или «свиту», потом – весь в нетерпении – вторую, обнажив упругую грудь с дрожащими розовыми сосочками... кои тотчас же накрыл губами, принялся нежно ласкать языком... Гостья откровенно млела, особенно когда князь распустил шнурок на ее портах, засунув руку в сокровенное место...

– Ах, милый мой...

Полетели прочь порты... Два тела соприкоснулись кожей... словно молния прошибла обоих... Дева дернулась, застонала, изогнулась, словно боевой лук...

Зачем немецким купцам убивать отроков – Рогнеда не знала и даже предположить не могла. То же самое мог бы сказать и Довмонт: и правда, зачем? Однако все же где-то в глубине души шевелилось нешуточное подозрение, догадка. С несчастными отроками расправились безболезненно и быстро, значит, получается и вправду – знакомые. Мальчишки ведь не сопротивлялись, позволили подойти. С чужими бы, с незнакомыми, не вели себя столь беспечно. Значит – не немцы? А кто тогда?

– Я ж сказала – не мои, клянусь молотом Тора!

Сверкнули гневом зеленые очи. Дернулась рука – тонкая, но сильная. Ах, Рогнеда, Рогнеда, юная атаманша неслабой разбойничьей шайки! Красавица-дева, обликом напоминавшая хрупкий цветок, который того и гляди раздавишь. Однако впечатление это – обманчиво, разбойница всегда была себе на уме и за себя постоять сумела бы. Да и не только за себя... Князь познакомился с ней еще в Литве, помог бежать из плена... Девушка не забыла...

Юная красавица прижалась к Довмонту всем своим восхитительным гибким телом, князь ласково погладил любовницу по спине, приглубил... и все же никак не мог оторваться от своих мыслей. Если четвертого паренька не убили, он может рассказать многое. Пусть Степан-тиун ищет, пусть найдет.

– Ты квас-то пей!

– Я пью...

Пусть поможет и Рогнеда. Ее люди вполне могут наткнуться на труп... если того неизвестного отрока все же догнали и порешили... если это не сами разбойники. Красавица атаманша божится, что нет. Скорее всего, именно так и обстоит дело. Зачем разбойникам бедолаги мальчишки? Чего их убивать-то. Разве что... разве что – отомстить ловчему Еремею!

Дева скосила глаза, скривила губы:

– Чувствую, о чем ты подумал. Да, я не люблю Еремея-охотника. Можно сказать, ненавижу. Немало он крови моим людям попортил, немало. Но – убивать его детей я бы не стала.

Я б лучше – его. И то раньше. Пока не было здесь тебя, князь. Уж ты-то меня из своих лесов не прогонишь... Ведь не прогонишь? Ведь верно? Ведь так?

– Ну ты, Рогнедушка, и зануда!

– Кто-кто?

– Настырная, говорю.

– Это разве плохо?

Привстав, девушка потянулась, как кошка, изогнула спинку и, погладив себя по талии, улеглась на живот. Повернув голову, игриво прищурилась, прошептала:

– Помнишь, ты мне раньше спинку гладил?

– Почему ж раньше? Могу и сейчас... а иди-ко!

Поглаживания и ласки сами собой перешли в бурное празднество любви, девушка снова стонала, изгибалась, и даже прикусила губу в порыве вновь нахлынувшей страсти, неудержимой, могучей, словно волны океана, великого океана любви!

Была ли это и в самом деле любовь? Скорее, нет, нежели да. Просто влечение, пусть даже не только плотское. Довмонт всегда любил только одну женщину... Впрочем, нет – двух. Покойную свою супругу Бируте... и Ольгу, Оленьку, оставшуюся где-то далеко-далеко, в мечтах.

– Так ты поможешь мне, Рогнеда? – князь вытянулся на ложе, погладил по голове ослабленно прильнувшую к нему деву.

Красавица улыбнулась, прикрыла пушистыми ресницами глаза:

– Знаешь же, что помогу. Чего хочешь на этот раз? Кого-нибудь нужно тайно убить?

Довмонт расхохотался:

– Ну, это я и без тебя слажу. Нет, не убить. Разузнать кое-что.

– И что?

Князь рассказал про отрока. Который вроде бы как спасся, ушел. Или – все же нет, и лежит где-то в лесу, неподалеку от берега, и гложут его тощее тело жадные дикие звери.

– Если убит рядом с рекою – найдем, – сверкнув очами, заверила атаманша. – От зверя мертвеца не спрячешь. Лисы, волки... все одно кто-нибудь подьедать начнет. Да и запах... А вот если ушел...

– Скорее всего – в Застенье. Но там и мои люди поищут. Они и немцев найдут... если те при делах, конечно.

Князь кратко пояснил, кого именно надо искать. Нищего, вечно голодного, отрока...

– Ложку, говоришь, изгрыз? – засмеялась разбойница. – Вот уж поистине – голодный.

Она хотела уйти так же, как и явилась – через окно, по крышам, но князь не разрешил. Улыбнулся, быстро одеваясь, помог деве застегнуть рубаху:

– Нет уж, милая, пойдем-ка, я тебя провожу.

– Да я б и...

– Нет, пойдем. Ты уже как-то раз чуть не сорвалась.

Рогнеда вскинула брови:

– Откуда знаешь?

– Так мои люди всегда за тобой следят, – расхохотался Довмонт. – Когда ты тут лазишь.

– Следят? Значит, ты...

– Все знаю. Жаль, ты редко бываешь...

– Чаще не могу... пойми...

Девушка опустила ресницы и, чмокнув князя в губы, взяла его за руку:

– Ну, пошли? Да... а кто следит-то?

– Да уж не кто попало, не бойся, – покивал князь. – Гинтарс – вернейший мой человек.

– А! Тот красавчик литвин...

– Но-но! Не очень-то на людишек моих засматривайся.

На улице еще было темно, но восточный край неба уже алел рассветом. Еще немного и станет светло, запоют ранние птицы, и первый луч солнца упрется в слюдяные окна хором.

– Я отворю ворота, мой князь, – верный Гинтарс возник из темноты, неслышно, как оборотень.

Разбойница вздрогнула и тут же улыбнулась, сверкнула глазищами из-под мохнатой, натянутой на самый лоб шапки:

– Здрав будь, отроче.

– И ты будь здрава, дева.

Литовец вежливо поклонился и принялся лично отодвигать тяжелый воротный засов. Конечно, стража была в курсе дела, но так, поверхностно: мол, кого-то надобно выпустить без лишних слов. Кого именно – им знать было не надо, хватало и Гинтарса. Сей верный ратный слуга уже был пожалован князем землицей и званием сотника. С того момента, как Довмонт – тогда еще Даумантас – впервые увидел парня еще совсем мальчишкой, прошло уже около четырех лет. За это время Гинтарс вырос, раздался в плечах и вытянулся... но по-прежнему оставался все тем же добрым и преданным парнем с копной светлых волос и горящим взором больших светло-голубых глаз.

На траве уже выпала роса. По светлеющему небу побежали сизые облака, подул ветер, и Довмонт заботливо запахнул на Рогнеде плащ.

– Смотри, не простудись, девица.

– Уж как-нибудь. Прощай.

– Прощай...

Одарив на прощание улыбкою, разбойница скрылась в ночи... и тотчас где-то за углом, за длинной оградой, заржали кони. Послышался стук копыт...

– Уехала, – улыбнулся князь. – Ну, в добрый путь...

Князь... Аспирант Игорь Викторович Ранчис, петербуржец с литовскими корнями... именно им и был когда-то кунигас Даумантас, псковский князь Довмонт. С помощью языческих литовских жрецов сознание Игоря перенеслось далеко в прошлое, дабы уничтожить проклятье Миндовга, вплотную касавшееся семьи Ранчисов.

Довмонт принял крещение – только имя Христа могло справиться с языческими проявлениями сознания. Только как христианин, Игорь смог сохранить свой разум... ставший частью сознания Довмонта. Навсегда. Без всякой надежды на возвращение. Более того – именно это и сняло проклятье Миндовга. Там, в том мире, все остались живы. И Лаума, сестра, и юная красавица Ольга... невеста... а теперь уже – и жена.

* * *

Кирилл Осетров, верный человек Степана-тиуна, начал свой сыск с небольшого торжища, что притулилось на самом краю Застенья, недалеко от высокой крепостной стены, выстроенной недавно по приказанию князя и с одобрения веча. Вообще-то во Пскове имелся и большой рынок, где, кроме русских торговых гостей, бойко торговали и купцы из Риги, Ревеля, Дерпта. На запад из Пскова шли караваны с мехом, медом, воском, кожей, щетиной, салом, льном и многим другим. Иноземные же купцы везли в Псков золото, серебро, медь, олово, свинец, сукно, полотна, драгоценные камни, вина, пергамент... Но это все – большая ярмарка, далеко не каждый день бывала. На каждый же день – вот, торжище. Кому пироги,

кому квас, кому зелень. Уже и ягоды и первые грибы пошли – ими торговали мальчишки. Просили недорого, Кирилл остановился прицениться, завел разговор.

Про друзей убитых отроков отце их, Еремей-охоник, ничего толком сказать не мог, как ни пытался Степан вытянуть из него хоть какие-то сведения. Да и до отроков ли ему? Главный ловчий – голова забот полна. То же и жена его новая – ничего толкового не поведала. Превняя же супруга охотника, Лося с Кабаном мать, померла еще лет десять назад.

Так что: никто – ничего. И что делать? Ходить по соседям, выпрашивать – не во всякий дом чужого человека пустят, да и злодеев можно спугнуть. Вдруг да они тоже недобитого Кольшу выискивают? Оченно может статься! Кирилл Осетров хоть и молодой еще был, да ушлый, понимал – не все лиходеи дураки, попадаютс я иногда и умные. Редко, но бывает. По большому-то счету – да, злодейства все по-глупому совершались. Нагло ограбят кого или охальники завлекут девку в толоки – снасильничают вшестером, потом и проговорятся, не выдержат. А как же – охота ж похвастать, какие, мол, мы молодцы! Между тем город слухами полнится, и по слухам этим охальников отыскать проще простого.

Вот и сейчас помощник тиуна сильно надеялся на людскую молву. Не на взрослую молву – на ребячью. Ну, кому еще-то отроки сопливые интересны?

– Грибы-то, отроче, случайно, не на Гнилом мысу собирали? – тщательно перебирая крепенькие подосиновики, прищурился молодой человек.

– Не-а, не на Гнилом. Не на Гнилом, а... – продавец, босоногий мальчишка с копной соломенно-желтых волос, поковырял пальцем в носу и прищурился. – А ты почто, челочек, спрашиваешь? Сам хочешь набрать?

– Да некогда мне по грибам. – Бледное лицо сыскаря презрительно скривилось. – По лесам да болотам шастать – еще чего не хватало!

Тут Кирилл словно бы невзначай, от жары будто бы, распахнул верхнюю одежду – простую холщовую свиту, какие обычно носили простые люди – всякие там подмастерья, смерды да рядовичи-закупы. Однако же под холщовой свитой оказалась длинная верхняя рубаха доброго немецкого сукна с богатой вышивкой по вороту, рукавам и подолу, да еще с парчовыми вставками-клиньями. О-очень недешевая рубаха, к слову сказать! Сыскной специально так одевался: покажет рубаху – знатен, богат! А накинёт на плечи свиту – простолюдин простолюдином. Чтoб людей-то разговорить, кем только не прикинешься. Люди-то, они разные, разный к ним и подход.

Увидав богатый наряд, парнишка поспешно поклонился:

– Ой, дяденька! Ты, поди, боярин? И сам-то... на торг...

– Не боярин я. Приказчик у гостя заморского, – отмахнулся Кирилл. – А покупать все люблю сам. Так откель, говоришь, грибы?

– С Синего болота. Там, за Псковой-рекой...

– Знаю я, где Синее болото, – пригладив редкую сивенькую бородку, сыскной скривил тонкие губы. – Там Еремеевы братцы захаживали... раньше все они мне грибы продавали. Чегой-то нынче братовьев не видать? Потому я и к тебе...

При этих словах отрок ахнул:

– Ой, господине! Убили Еремеевых-то! Живота лишили и съели. Одни косточки в лесу за Великой нашли!

– О как! – услышав такое, помощник тиуна несколько опешил. – Съели, говоришь? Интересно, кто же?

– Знамо, кто, – мальчик испуганно оглянулся по сторонам и, хлопнув серыми глазенками, понизил голос: – Людоеды!

– Людоеды?!

– С недавних пор где-то за Великой они завелись. Целая шайка, – сверкая глазами, шепотом продолжал отрок. – Говорят, детей воруют да девок молодых. И на лодке – за реку, а

там... Ужас один, прости, Господи! – Мальчишка перекрестился на деревянную маковку видневшейся невдалеке церкви.

Другой бы эти дурацкие байки просто откинул, не обратил бы внимания... но только не Осетров Кирилл! Уже достаточно опытный в сыском деле, молодой человек хорошо понимал – дыма без огня не бывает. Раз болтают, значит, что-то такое есть. Ну, не людоеды, конечно – голода уж лет пять как, слава богу, нет... Однако людокрады – очень даже запросто! Крадут молодых девок, парней да продают втихаря тем же новгородским купцам. В Новгороде-то Великом – самое большое живого товара торжище. Правда, недешево – заморские купцы приезжают из далеких полуденных стран, всякие там персияне и прочие. Значит, людокрады... Снова, что ль, завелись? Ведь в прошлое лето только целую шайку словили. И вот – опять. Надо все обстоятельно обсказать тиуну... да еще подразузнать... впрочем, это позже...

– Так эти-то, Еремеевых-грибников, одних только и съели?

Отрок опять ахнул, округлил глаза:

– В том-то и дело, что не одних. И дружка их – Микитку Овруча – тоже! До последней косточки все обглодали.

– Только его одного? – хитро прищурился сыскной. – У них же дружков много было.

– Да немного, – парнишка покачал головой. – Они завсегда втроем гужевались. Еремеевы да Микитка. Микитка – за главного.

– Втроем, говоришь?

– Ага. Втроем.

– А мелкий такой... Кольша? – помощник тиуна изобразил на лице самую широкую и дружелюбную улыбку. – Неужто не помнишь, а? Ну, Кольша...

– Да не знаю я никакого Кольши! Они все втроем ходили... Не, не было больше у них в дружках никого.

– Ну, как же! – не отставал Кирилл. – Мелкий такой хрюндель... голодный вечно, все грыз – то ногти, то ложку... то какой-нибудь плесневелый сухарь...

– Голодный? Ногти грыз?

Судя по вспыхнувшим глазам отрока, сыскной все же напал на след!

– А-а-а! Вот вы про кого, господине... Есть такой, да – мелкий, голодный, лопоухий. Все его Шмыгай Нос кличут. А уж Кольша он там или кто – я не ведаю. Приставучий, гад, привязчивый... Ко всем напрашивался – возьмите с собой поиграть или там, по грибы да за рыбой... Крал по мелочи, особенно – чего покушать... Змееныш!.. Что вы, говорите, господине? Ой, не знаю я, где он живет... Хотя нет. Знаю! Он как-то про Мордуху-вдову говорил...

* * *

В Троицком храме уже начинали звонить к обедне, когда молодой растрепанный парень в длинной суконной рубаше и остром, заломленном назад колпаке неспешно спустился к пристани и, заложив руки за спину, принялся глазеть на немецкие барки. Ярмарки сегодня не было, но зеваки на берегу имелись. Кто принес чего по мелочи – выменять на какой-нибудь товар, чтоб подешевле, кто просто так – любопытничал. Таких было немного, всего-то с дюжину человек, день-то стоял не воскресный – обычный, так что все в трудах... впрочем, не все – вот ведь зеваки-то брались откуда-то!

Хотя... не простые это оказались зеваки. Как только с немецкой барки сошла по дощатым мосткам парочка приказчиков, тонконогих, в смешных кургуzych кафтанах и круглых суконных шапках, так зеваки тут же бросились к мосткам, закричали, перебивая друг друга:

– Уважаемый герр, у вас сурьмы не найдется?

– А сулемы?

– Я бы тотчас же и купил! О цене сговорились бы.

– И правда – чего вам потом на солнцепеке стоять? Может, и не купит никто вашу сулему.

Не простые это были зеваки – «кокошники», так их на Пскове прозвали. Сии ушлые молодые люди промышляли девичьим да женским товаром, не артелью – сами по себе. «Кокошниками» их прозвали от девичьего головного убора – кокошника, одеваемого обычно по праздникам. Впрочем, основными потребителями их товара были вовсе не юные девушки, а знатные – и не очень – женщины, многие в возрасте весьма солидном, подкатывающем годам к тридцати. Молодость безвозвратно уходила, и увядающая красота остро нуждалась в косметических средствах, всяких там притираниях, благовониях, румянах, белилах, сурьме. Чем старше дама – тем больше она красилась! А все эти средства стоили ой как недешево, к тому же в их состав входили ядовитые соединения: соли свинца и сернистая ртуть (киноварь). Для выведения же с тела волос модницы использовали негашеную известь! Постепенно на коже появлялись тёмные пятна, их нужно было замазывать, требовалось еще больше косметических средств.

Это все – о коже. Что же касаето бровей да ресниц – то и там дело обстояло ничуть не лучше. Их чернили смесью из жира, масла и ядовитой сурьмы. Брови приобретали роскошный чёрный цвет, завлекаяще блестела сурьма... Обрекая модниц на медленную, но верную смерть! Температура, боль в животе, тошнота и бессонница объяснялись обычно сглазом или порчей...

Вот только Довмонт-князь – Игорь Ранчис – в порчу да сглаз не верил, а вот в ядовитые вещества – вполне. Потому в прошлое лето убедил вече издать указ о почти полном запрете на торговлю всеми этих убийственными излишествами, чем вызвал на себя гнев многих боярских и купеческих жен. Противу женской красоты выступил – о как! Церковь, конечно, поддержала, святые отцы и раньше-то эти белила-румяна-сурьму не жаловали. И безуспешно боролись.

А бороться было с чем! Сернистая ртуть входила и в румяна, и в краску для волос, ртутная сулема считалась неременным компонентом средства для смягчения кожи. Даже белый мышьяк – и тот употребляли «для аппетита» и мягкости кожи! Под воздействием свинца портились, желтели и гнили зубы, изо рта иной боярыни несло, словно из нужника. На этот случай ушлые «кокошники» предлагали мятные лепешечки, гвоздику и кардамон, местные же знахари продавали мел и кору дуба для чистки зубов. Впрочем, существовал и более радикальный способ – просто-напросто отбелить зубы ртутью! Результат – ослепительный! Только вот через пару месяцев от зубов оставались лишь гнилые пеньки.

С высокой смертностью женщин Довмонт боролся, как мог. Иное дело, что указ был введен в действие не так давно, и многие его нарушали. Опять же, появились мелкие спекулянты – «кокошники», до которых покуда не доходили руки.

Ага! Вот «кокошники» легко завлекли приказчиков! Словно малых детей какой-нибудь вкусняшкой. Правда, немцы не очень-то и сопротивлялись... да и не пустые с барки сошли – с мешками. Зашли за амбар – там уж торговлишка пошла вовсю!

– Сулему, сулему возьму – даю две белки!

– А я – три! Не слушай его, герр!

Между прочим, кричали «кокошники» по-немецки, на том его диалекте, что был в ходу в ливонских городах типа Риги, Ревеля или Дерпта.

– Белила, белила есть? А сурьма?

– А мне киноварь, киновари бы. Три куницы дам! Или могу – пфеннигами...

– О, я, я... Пфенниг!

Обработали приказчиков быстро. Парень в остром колпаке – звали его Семеном – и глазом моргнуть не успел, как довольные «кокошники» поспешно убрались с пристани прочь, заведя появившихся на берегу стражников.

Быстро подсчитав выручку, немцы направились в город... Семен их тут же догнал, улыбуясь:

– Гутен таг, мейне геррен!
– О! Гутен таг. Вы, к сожалению, уже опоздали, молодой человек.
– Да я не за сурьмой, – парень сдвинул колпак на затылок. – Я просто спросить хотел: не прибыл ли нынче мой старый друг, Ганс Меллинг из Дерпта?
– Ганс Меллинг? – приказчики переглянулись, задумались. – Гм...
– Он мог быть на отставшей барке, – помог немцам Семен... как научил тиун Степан, начальник.
– На тех судах, что пришли ночью, я уже спрашивал. Не нашел дружка своего, увы...
– А! Так тебе на «Красную корову» надо. Она там отстала... а потом и побоялись дальше в темноте плыть, утром только явились. Шкипера зовут Йост Заммель. Йост Заммель из Ревеля. Со шкипером Семен говорить пока не стал; поболтал, с приказчиками, с матросами. Вернее сказать – попытался, больно уж нелюдимым оказался экипаж «Красной коровы»! Суденышко небольшое – двадцать матросов-гребцов, пара приказчиков да сам шкипер. Матросы лениво удили с борта рыбу, но особенной разговорчивостью не отличались.
– Ганс Меллинг? Ты слыхал про такого, Курт?
– Нет.
– Вот и я нет. Не, не знаем такого. Что-что? Да, припозднились, вынуждены были ночевать у излучины. Там, в камышах отстоялись, а как рассвело – в Плескау пришли.
Стояли в камышах, да. И того – не более. Ничего подозрительного, что ж. Однако ж тиуну во всех подробностях доложить надо.

* * *

Сыскарей лично Довмонт не слушал – на то тиун Степан имелся. Тот уж и доложил князю. Впрочем, особенно-то докладывать было нечего. Ну да, была немецкая барка. Припозднились купцы, встали на реке – выжидали. Бывает, чего уж. В чем криминал? А ни в чем. Какое отношение они имеют к убийству отроков? Да, судя по всему, никакого. Других, других надо искать!

Князь и сам уже не помнил, с чего бы вдруг он стал подозревать отставшую барку? Наверно, инстинктивно – потому что немцы, а от немцев, известно, всяких пакостей жди.

– Что ж касемо Кольши, княже, – был такой паренек. У Мордухи-вдовы на усадьбе жил приживалом. Был, но сгинул.

– Как это сгинул? – отпив сбитня из большого серебряного кубка, уточнил князь. Тиуна он принимал по-простому, в малой горнице, площадью около тридцати квадратных сажений. – Пропал, что ли?

– Пропал... Но, князь, – перед этим на усадьбу вернулся! – погладив бородку, Степан поднял вверх большой палец. – Никому ничего не рассказывал, но весь трясся. Мордуха-вдова его к дьячку за маслом лампадным послала – он и пропал. Ушел, да не вернулся. С тех пор и нет.

– А что дьячок?

– Божится, что не дошел до него отрок сей.

– А...

– Нет, княже. Никто до нас к Мордухе не заходил, Кольшу этого не спрашивал. Мой человек проверил накрепко. Да... – тиун вдруг усмехнулся. – На Застенье про людоедов слух пошел. Дескать, отроков да отроковиц ловят да едят с жадностью. Вот и Еремеевых, мол, съели!

– Ого! – Довмонт всплеснул руками. – Съели, говоришь? Но ведь дыма без огня... Сам знаешь!

– Ведаю, княже. И мыслю так – людокрады в городе объявились. Ну, не в самом городе, скорей – в окрестностях, за Великой-рекой.

– За Великой-рекой...

Князь покривил губы и вновь потянулся к сбитню. Вчера посидели с боярами и верным Любартом. Выпили фряжского вина преизрядно, не побрезговали и медовухой, вот голова и потрескивала, – а сбитень помогал.

– Коли там... то мы их быстро разыщем, ага!

Степан не повел и бровью. Уж конечно, он знал о связи Довмонта с юной разбойницей Рогнедой, что держала в страхе весь правый берег Великой. Знал, но помалкивал. Так оно надежней.

Потянувшись, князь подошел к распахнутому оконцу, глянул на двор... Усмехнулся, увидев, как некий молодой увалень с бледным вытянутым лицом, распахнув холщовую свиту, подпирал спиною березу, искоса поглядывая на крыльцо.

– Степан Иваныч, ну-ко, глянь... – псковской властелин обернулся. – Там твой человечек весь уже изнемог. Как его... Кириллов Осетр.

– Осетров Кирилл, – выглянул в оконце тиун. – Я его сюда не звал. Небось, сам что-то важное доложить хочет.

– Так пусть доложит, – Довмонт кликнул слуг. – Парня там, во дворе, позовите. Вон, у березы...

Явившись на зов, Кирилл Осетров сын с порога поклонился в пол. Волновался, еще бы – сам князь позвал. Надежа и опора Пскова!

– Ну, молви, – махнул рукой князь. – Только лоб не разбей.

Сыскной покрутил в руках шапку:

– К Мордухе-вдове с расспросами заявились. То мне челядин ее поведал, Онфим.

– Та-ак...

– Заявились, вызнали о пропаже и тут же ушли. Ушел. Ликом неприметен, борода пегая, рост небольшой, но широк в плечах. Одет по-простому: холщовая рубаха, порты, поршни. На поясе – нож.

– Да уж, – выслушав, хмыкнул тиун. – С таким приметамы мы его сто лет искать будем.

Кирилл виновато помял в руках шапку:

– Уж, господине, что есть. Онфим-челядин сообщит, если что вдруг.

Людокрадами за рекой Великой (если они вообще там имелись) Довмонт решил заняться сам. Уж больно было щекотливое дело, вернее сказать – место. Шайка Рогнеды обитала именно там, «весь брег держала». Работоторговлей юная атаманша вроде бы не промышляла... хотя кто ее знает? Чужая душа – потемки, особенно – душа разбойницы... честно-то сказать – не столь уж и чужая душа. Ну, вот такая Рогнеда? Добрая, запутавшаяся в жизни девчонка, много чего хлебнувшая на своем коротком веку. Уж так все сложилось, что, кроме как в шайке, этой зеленоглазой красотке другой дороги нет. Князь и хотел бы помочь – но как? Раве что выдать замуж за кого-нибудь из своих людей. Только вот за кого? Любарт с Гинтарсом женаты, остальные – кто что-то из себя представлял – тоже. Да и не за всякого Рогнеда пойдет, не всякого будет слушать. Да вообще никого слушать не будет! К свободе привыкла, чего уж. Ежели муж хоть словечко поперек молчит – братина в лоб полетит! А то – и не братина, а то – и сразу нож. Неуживчива Рогнедушка, и для спокойной семейной жизни, верно, не создана. С другой стороны, кто знает молодых дев? Они и сами-то себя не знают. Сегодня одного хотят, завтра – другого, послезавтра – третье. В данном случае не про мужиков речь... хотя и о них тоже.

Так вот. Рогнеду Довмонт собирался всячески прикрывать, как делал и раньше. И вовсе не потому, что та с ним спала. Могла бы и не спать. Просто князь почему-то знал, что неспособна зеленоглазая атаманша ни на какую подлость. На убийство – способна, на грабеж – так очень даже, а на подлость, предательство – нет. И это несмотря на то что ее-то саму предавали

и продавали множество раз. Если б тогда, в Литве, Даумантас не выручил, не помог бежать из собственного же замка... где б была Рогнеда? Да на том свете уже.

Да что греха таить – Рогнеда сильно нравилась князю. Как и он ей... Однако никаких перспектив у такого союза не имелось. Как мог князь взять в жены лиходейку-разбойницу? Кто такая Рогнеда – все знали... или узнали бы. Так и сейчас приходилось скрывать греховную связь, которая новообращенного христианина Тимофея, как в крещении нарекли Даумантаса, почему-то не тяготила, да и юной красавице, похоже, вовсе не была в тягость.

Так что на поиски людокрадов «псковская надежда и опора» отправился самолично, прихватив с собой Степана-тиуна и двух его людей – юного сыскаря Семена с Кирилловым Осетром... тьфу – с Осетровым Кириллом. Ни у кого такая прыть Довмонта никаких подозрений не вызвала. Такие уж стояли времена, когда князья сплошь и рядом занимались теми – вроде бы обычными и простыми – делами, какие в более поздние эпохи владетельные особы, несомненно, поручили бы слугам. Да и не был псковский князь (как, впрочем, и новгородский) никакой владетельной особой. Боже упаси, не правил, а служил Псковской республике по мере своих сил. Военачальником, верховным судьей... и вот – организатором сыска. А кто же о безопасности горожан думать будет? Конечно, князь. Кому же еще-то? На то он и призван, на то – «защита и опора». От внешнего супостата псковичей защитить – хорошее дело, но и усмирить внутренних врагов – дело не менее важное. Чтоб жили люди спокойно, без страха. Чтоб не боялись за себя и детей, чтоб ночью спокойно на улицу могли выйти. Не только бояре – все.

Да и другие-то князья, вроде б и властелины, еще не вошли в подлый вкус самовластья, еще особенно себя не выделяли, свою статью не подчеркивали. Это много позже все началось, в пятнадцатом веке, в конце, с подачи ромейской бесприданницы-нищевродки Зойки – Софьи Палеолог, – ставшей благодаря папе римскому женой Ивана Васильевича, великого московского князя. Эта змея и стала на ухо Ивану петлять, мол, ты же князь, Иван, да не простой – великий. Не какой-нибудь там Ванька-Иван, а Иоанн! Разницу понимать надо. И не надобно всех подряд бояр в гости звать, пусть в очереди стоят, записываются, да и поклоны как следует кладут, ломают шапки.

С тех пор и расплодился, разлился византийский яд по всем русским землям... впрочем, и раньше еще великие владимирские князья от татар эту моду переняли. А чего же не перенять-то? Вон как удобно. Правило же известное, понятное и простое: я начальник – ты дурак, ты начальник – я дурак. Я – власть, лижите мне задницу до мозолей, а кто не лижет, тот власть не уважает, и вообще – подлый христопродавец и сам себе на уме гад!

Но вот не было еще так-то! Ни во Пскове, ни в Великом Новгороде – не было. Не родилась еще зловарная ромейка Софья, не взяли еще Константинополь-Царьград турки, да и Москва еще – в заскорузлых владимирских лесах самая поганая деревуха. Есть ли есть во вселенной какой-то край, то это вот он и есть. Вернее, был. Когда-то.

Ввиду всех этих рассуждений, Довмонт и не заботился никаким прикрытием своей деятельности. Все ведь про отроков убитых знали, и то, что сам князь лично убийц ищет – в том ничего такого необычного по тем временам не было. В конце концов – кому же еще-то?

Дабы простой народишко не смущать, Довмонт даже не одевался в простое платье. Он и так одежду носил простую. Ну, конечно, не в сермяге ходил, однако – такая вот суконная рубаха, такой плащ, как ныне на князе, у любого боярина средней руки сыщется, да и у купца – торгового гостя – тоже. У приказчика даже, чего там о купцах говорить.

О внешнем же виде – высокий, красивый, стройный, с мягкими светлыми волосами и такой же бородкой, со взглядом серо-стальным – речи вообще не шло. Да, средневековые люди отличались редкой памятью, в том числе – и на лица. Однако мало ли во Пскове стройных мужиков? Да пруд пруди. И все в большинстве своем – светлоглазые.

Потому и не опасался князь, что узнают... а и узнают – так что с того? Выехав со двора, особенно не таился, однако и не кричал на каждом углу – вот он я, князь псковский! Надежда, защита и опора.

Оставив коней на попечение воротной стражи, Довмонт и его люди спустились к пристани, однако на княжеской ладье не поплыли, а наняли у перевозчика скромную лодку... забавную такую ладейку, украшенную узорочьем и паволоками. На такой обычно дети боярские любили кататься.

– На тот берег отвезешь, пристанешь, где скажем, да подождешь.

Чернобородый мужик лодочник хмыкнул было презрительно – это еще кто тут распоряжается, еще не заплатив даже? Хмыкнул, да усмешка с губ испарилась тут же – узнал!

Рука сама собой к шапке рванулась:

– Ой... господине!

– Тихо! – цыкнул Довмонт. – Спокойно все спроворь, понял?

Лодочник закивал, побежал к ладейке, что-то крикнул гребцам – двум дюжим парням. Те засуетились, быстренько повыкидывали из ладьи всякий мусор.

Семен – он первым шагнул – внезапно наклонился к воде... и вытащил потешную скоморошью личину – маску.

– Скоморохи, – подбежав, оглянулся на князя Кирилл Осетров.

– Ну-ну, – Довмонт скривил губы. – Начал, так договаривай.

– Я к тому, что скоморохи частенько отроцев беглых сманивают, – шурясь от отражавшегося в речной воде солнышка, быстро пояснил сыскной. – Не силой, конечно... но бывает и силой. Ежели отрок наш сам от чего-то бежать задумал – мог и к скоморошьей ватаге прибиться. Очень даже мог.

– Умен, – скуп похвалив помощника, Степан искоса глянул на князя – вот, мол, какие у меня орлы-молодцы! Похвалил и сразу же повернулся к лодочнику. А того и спрашивать уже не надо было. Бородину пригладил да отрапортовал:

– Сеночь бояричи со скоморохами катались. И с непотребными девками. Одна – Настасья Заваруха, другая – Олька Кривая нога, третья – Миленка Розова.

– Что, Миленка родила уже, что ли? – тиун Степан Иванович не постеснялся обнаружить весьма близкое знакомство с предметом своей деятельности. Ну, а кого было стесняться-то? Князя, что ли? Так одно дело делали.

– Давно уже родила, еще на Пасху, – важно пояснил владелец резной ладьи.

Тиун покивал:

– А младенца, поди, придавила-приспала...

– Отчего ж придавила? Выращивает. Лебедушкой назвала. Дочку родила-то.

– Молоде-ец, – вслух подивился Степан. – Не знал, что Миленка такая... Ладно! Так что, княже, к скоморохам пойдем? Они ж, верно, где-нибудь на реке становищем встали?

– Там, там, на реке, – лодочник охотно указал рукой. – По течению, у плеса. Да я ж вас доведу вмиг! Прошу – пожалте.

Отвалив от пристани, ладейка так и поплыла вдоль берега, не выбираясь на середину реки. Видать, ловко управлявшийся кормовым веслом лодочник прекрасно знал все здешние мели.

Кибитки скоморохов виднелись за деревнями у самого плеса, недалеко от утрамбованной возами дороги и луга со свежескошенным сеном. Сено сохло на летнем солнышке, еще не складывали стога, и запах стоял такой, что князь невольно закусил губу – больно уж сладко и славно пахло! Сухой травой, покосом... Родиной.

– Боярина Федора Скарабея землица, – выпрыгнув из ладьи, пояснил тиун. – Боярин прижимист. Не за просто так скоморохов пустил. Поди, выгодно.

Скоморохи варили уху, вкуснейший ее запах смешивался с запахом сена и росшей неподалеку смородины.

– Налимья? – подойдя, Довмонт кивнул на кипящий котелок.

– Присаживайся с нами, господине. Похлебаем. Ложка, чай, есть?

Староста бродячих мимов, потешников и музыкантов чем-то походил на цыгана... или на постаревшего музыканта, осколка хард-роковых групп семидесятых. Длинные темные патлы, кудлатая борода почти до самых глаз – еще джинсов и черных очков не хватало.

– Ищите кого? – пригласив незваных гостей к костру, староста вовсе не намеревался тратить время даром. Лучше уж заранее расспросить, узнать...

– Да вы ешьте, ешьте! Рыбы еще наловим, наварим ушицы... хозяин разрешил.

– Скарабей-боярин? – присаживаясь, усмехнулся князь. – И много он с вас берет?

Скоморох спокойно зачерпнул деревянной лодкой ароматное варево, подул, попробовал... немножко посидел, блаженно щуря глаза, и только потом ответил:

– Сколько б ни брал – все его. Зато место удобное – и Плесков-град рядом, и на Изборск дорожка – вон. Да хлебайте вы, ватажники мои пока отдыхают. Вчерась наработались, ух! По всей реке слышать было.

Рядом с кострищем, на свежесрезанной коре были аккуратно разложены ложки, некоторые – недавно вырезанные, светлые. Одна их таких – обгрызена, и, судя по зубам – грыз ребенок...

Уха и впрямь оказалась вкусная, налимья. Спутники князя не преминули усесться рядом, вестимо, с разрешения, и теперь тоже работали ложками, словно три дня не ели. Довмонт все подумывал, с чего бы начать расспросы, да вот беда, с таким-то вкуснейшим варевом никакие умные мысли в голову не лезли, не хотели – перебивала проклятая налимья уха!

Так ничего и не придумав, надежда и опора Пскова спросил прямо:

– Отрок с вами давно ль? Ну, этот... Кольша. Вон, ложка его.

– Ложка-то есть, – степенно покивал скоморох. – А самого отрока – нету. Сбежал! Вчерась еще уговаривался с нами в Изборск идти – и вот, видать, раздумал.

– Так вот, без ложки – сбежал? – не поверил тиун Степан Иваныч.

– Рыбу он ловить пошел, – услышался вдруг за спиной князя звонкий девичий голос. Обращиваться не пришлось – к костру присела юная дева. Одета была просто – длинная рубаха из выбеленного холста с вышивкой, поверх подола – юбка-понева – два куса пестрой ткани, подпоясанные шнурком. Светлые волосы забраны тоненьким кожаным ремешком, симпатичное личико, большие голубые глаза... под рубахой явно проглядывала грудь – еще небольшая, не округлившаяся, с остренькими торчащими сосками. Однако вовсе не грудь юной красули сейчас привлекла внимание Довмонта – ожерелье! Янтарное ожерелье на шее. Откуда? Впрочем, это ж Псков, не глушь владими́ро-суздальская! Балтика – почти что рядом.

– Глянутя бусы? – взяв одну из разложенных на куске коры ложек, девчонка потянулась к котлу.

– Красота! – улыбнулся князь. – Подарил кто?

– Да уж не украли! – хлебнув ушицы, задорно отозвалась красавица. – Я ж и на свирели, и на гудке... еще и плясать могу с бубенцами. Вчера вот наплясалась.

– Это Машенька наша, – представил девушку скоморох. – Маруся.

– Так ты вчера на ладейке плясала? – Степан Иваныч тоже вставил свое слово.

Маруся отмахнулась:

– Не-а, не на ладейке. На ладейке наши на дудках да бубнах играли, а плясала я на лугу. Невдалеке, там, где ромашки. Там и покос, а не вдалеке – пристань рыбацкая. Там бусы и подарили. Парни плечистые шли, видать, к реке... остановились послушать... и бросили! Ну, право слово, бросили, Купавной клянусь. Видать, понравилось, как я плясала да пела.

– А нам можешь спеть? – подмигнул Довмонт. – Нет, ты поешь сначала...

– Угу...

Быстро дохлебав уху, Маруся поднялась на ноги, поймала брошенный старостой бубен...

– Ой, далече – далеко... далеко-далече...

Девушка покраснелась, притопнула ногами... и голосок был такой приятный, звонкий...

– Явине, явине, – вдруг послышалось князю. – Явине-Явинскете...

Ну, ведь правда же – один и тот же мотив! Это ж литовская песня! Даумантас слышал ее еще в детстве, в Нальшанах, да и сейчас не забыл, помнил.

– Явине, Явине, приходи к нам в овин. Да зерно береги, да зерно береги...

Явине – древнее литовское божество, защищавшее хлеб в овинах...

– Ой, пойді со мной гуляти! Да травушку не помни, да травушку не помни...

Князь еле дождался, когда девчонка закончила петь. Улыбнулся, спросил вкрадчиво:

– А ты откуда эту песню знаешь?

– Так с детства еще, – усевшись обратно к костру, Маруся неожиданно загрустила. – Матушка еще была жива – пела. В деревне нашей... Ее потом полочане сожгли.

– А где деревня-то была?

– Да в Черном лесу стояла, – девушка вдруг улыбнулась, столь же внезапно, как вот только что загрустила. – Знаете, какой у нас лес? До самой Литвы тянется... и еще дальше.

До самой Литвы... Вот откуда мотивы похожие. А те парни, что бросили юной певунье весьма недешевое ожерелье? Что же, они, выходит, литвины? Если так, то что они делают здесь? Вряд ли это купцы – обо всех литовских купцах Довмонту докладывали. Значит, никакие не купцы... Что ж, Войшелк-князь не уgomонился? Вновь прислал убийц? Впрочем, рассуждать сейчас – все равно, что гадать на кофейной гуще. Тем более здесь еще кофе-то нет... разве что – желудевый.

Относительно парней Маруся ничего конкретного не сказала. Парни и парни. Незнакомые, плечистые, сильные. В обычных рубахах. Наверное, из ближней деревни смерды – косцы.

– Я проверю все, княже, – шепнул на ухо Степан. – Проверим. Ежели литвины – сыщем.

– Добро, – кивнув, князь повысил голос: – Маруся, а ты что-то про отрока говорила. Ну, про Кольшу, ага?

Глава 2

Про Кольшу хитроватая скоморошья девчонка ничего интересного не поведала. Ну, подсел голодный отрок к костру – бывает. Сказал, что сирота. Может, правда, и не такой уж и сирота, может – и беглый. Так ведь в ватагу его никто не принимал, с собой не тащил. Просто накормили по доброте душевной – не прогонять же? Вот пару деньков парнишка со скоморохами и гужевался, рыбу на ушицу ловил, помогал одежу чинить, маски-личины из коры березовой да кожи ладить. А так, чтоб с ватажниками куда-то далече идти – о том и разговору не было.

– А рыбу он где ловил? – поглядев на реку, уточнил Довмонт.

Маруся показала рукой:

– Вона, на плесе. Там мостик старый. Кольша говорил – рыбное место.

Прищурившись, девушка склонила голову набок и обвела незваных гостей быстрым хитрым взглядом:

– А чей это вы про него выпрашиваете? Небось и впрямь – беглый?!

– Может, и беглый, – покивал Степан. – А, может, и родич чей. Сбег со двора, змеенок.

– Тогда уже дома Кольша, – Маруся убежденно потрянула длинными светлыми волосами. – Если на мостках нет, значит – домой вернулся. Он ведь и не просился с нами... так, вечерял.

Простившись со скоморохами, Довмонт и его люди уселись в ладью и направились к плесу. Хорошее оказалось место! Тихая заводь с желтыми лилиями, клонившиеся к самой воде ивы, камыш с рогозом – благодать! Носились вокруг синие стремительные стрекозы, на мели резвилась вся серебристая рыбная мелочь. Меж ивами виднелись заросшие камышами мосточки, серые от старости и едва различимые с реки. Ежели б Маруся не показала – ни за что б не нашли.

Выскачив на берег, сыскные парни – Семен с Кириллом – принялись деловито осматривать берег. Кирилл – мостки, а Семен – ведущую к ним тропинку. Все свои действия парни проводили быстро, но тщательно, слева направо, по солнышку. Заросшая густой травой глинистая тропинка намочла от росы и вовсе не стремилась столь уж быстро высохнуть.

– Следы, – осмотрев, вернулся к мосточкам Семен. Сдвинул на затылок свою забавную шапку-колпак, улыбнулся довольно: еще бы, хоть что-то нашел. – Смазано все, но... судя по всему – сапоги, поршни. Двое шли. И... подбирались тайно. У мостков – так даже на цыпочках!

– Нечего и думать, схватили парня, – несмотря на внешность типичного лентяя-увальня, Кирилл Осетров был человеком проворным и дело свое знал. Что-то высмотрев, наклонился в траву и быстро выхватил из зарослей какую-то палку. – А вот и удочка!

Ну, да – она самая. Вырезанное из ветки удилище, леска из конского волоса, из дубовой коры – поплавков, крючочек кованый, между прочим, для нищего отрока – великая ценность. Просто так Кольша крючочек бы не выбросил. Никогда. Значит, и впрямь – схватили парня! Если это правда Кольша...

– А вон и лодки след, – соскочив с мостков в воду, Кирилл шагнул в камыши. Что-то потрогал рукою, понюхал... даже, сорвав с ивы листок, пожевал...

– Широкий след... вон, камыши-то, гляньте... Не ладья... но и не челн малый. Хорошая лодка. Четверых запросто выдержит. Или – шестерых.

– Одначе немного таких, – пригладив бороду, подал голос лодочник. – Для перевозчиков лодка такая – слишком уж жирно, а для того, чтоб товары да сено возить – мала. Обычно по дворам такие, у смердов. Но опять же – мало у кого.

– Так-так, – Довмонт задумчиво покусал губы. – Верно, приметная лодка?

– У рыбаков можно спросить.

– Если встретим, – охолонул тиун.

– Встретим, – лодочник тряхнул головой, глядя, как вскакивают в ладейку сыскные парни:

– Обязательно встретим. Время-то ныне – рыбацкое.

Рыбаки тянули сети сразу за плесом. Чернели на светлой воде четыре челна, сверкала на солнышке серебристая рыба.

– Бог в помощь, работнички!

– И вам не хворать, господа. Благодарствуем на добром слове... Лодка чужая? Да проплывала тут давеча... Не одна. Мужики низовские сено во Псков везли... потом еще эти были, изборские – те к себе плыли... Отрока? Не, отрока не видали. А парней молодых – да. На черной зорьке вчера... проплывали такие угрюмцы. Пес их знает, куда на ночь-то глядя.

– Так не во Псков?

– Не. Вверх по течению куда-то.

Приметную ладейку видели. Правда, не так уж и много оказалось на реке рыбаков, и – чем дальше, тем меньше. Выходя за очередной плес, Великая разливалась, охватывая широким течением песчаные мели. Встав на носу ладейки, лодочник взял в руки шест и внимательно смотрел в воду, время от времени подавая команды гребцам:

– Левым табаньте!.. Правым...

– А ну, давай к берегу, – приложив ладонь козырьком ко лбу, неожиданно приказал Довмонт, заметив в зарослях всадников. Двое подозрительных типов, без кольчуг, но на быстрых конях, прячась за деревьями, ехали параллельно ладейке. Взглядами провожали, следили...

– Хотят напасть? – тиун тоже заметил возможную опасность. – Здесь место удобное – брод.

– К берегу! – погладив рукоять меча, повторил князь. – Напасть – не напасть, а... посмотрим.

Ладья послушно свернула и ткнулась носом в узкую полоску песка. Все, кроме Довмонта, пригнулись, ожидая стрел. Выскочили, хоронясь за кустами... Где-то послышалось конское ржание.

– Ох, княже, – Степан-тиун скрипнул зубами. – Похоже, влипли мы. Надо бы – в обрат.
– Успеем, – успокоил князь, прислушиваясь к голосам, что звучали невдалеке, за вербами и старой кривой ветлюю. Вот снова заржал конь. Слышно было, как кто-то спешился... что-то сказал... засмеялся... А голос-то, между прочим, был тонкий, женский...

Довмонт сунул меч в ножны и выпрямился. Затрещали кусты...

– Ну, здравствуй, – выйдя на берег, сверкнула зеленым взглядом юная разбойница-дева. – Гляжу, на ладейке прогуляться решили? Что ж дев-то гулящих не прихватили? На этой-то лодочке дщери те – завсегда... Верно, борода многогрешная?

Скосив глаза на выглянувшего из камышей лодочника, девушка громко засмеялась. Словно в ответ ей, из-за деревьев послышались раскаты гулкого хохота.

Князь улыбнулся:

– И ты здрава будь. Вот ведь, Господь дал – свиделись.

– Ты, я вижу, не очень-то рад?

– Почему ж? Просто нынче дело серьезное.

– Серьезное? Х-ха!

Дерзка, дерзка дева, остра на язык – заноза! Платье на ней мужское, порты узенькие, лазоревая рубаха, темно-красный короткий плащ. Голова не покрыта, локоны каштановые – по плечам. Вольная дева! Как хочет, так и ходит, как нравится – так и живет, без оглядки, без страха в душе. Только вот надолго ли жизнь такая? Уж точно не затянется. Ну, еще год, другой... Отправится князь в поход, некому разбойницу прикрывать будет – вот и схватят, да на кол или голову с плеч – запросто! Тем более Рогнедушка не только во псковской земле промышляла, шайка ее и на литовские земли лихими набегам хаживала, заглядывала и в новгородские, полоцкие, орденские...

– Рогнеда, я здесь чужаков ищу. Парни молодые, угрюмые. На лодке плыли... Чай, не встречала?

Разбойница повела плечом:

– Сама – нет, а люди докладывали. Вчера видали парней... вот я и хочу на них глянуть.

– Вместе и глянем, – утвердительно кивнул князь. – Я своих возьму...

– Это ищеек, что ли? – красавица сверкнула изумрудным взором и ехидно прищурилась. – Хотя – твоя воля...

Поиски чужаков неожиданно затянулись, даже – с помощью разбойников. Да немного их и оказалось, татей лесных. Окромя самой атаманши, еще с полдюжины человек, правда, все при конях да и на вид – парни ушлые, палец в рот не кладут.

Общими усилиями обследовали весь берег и прилегающую к нему рощицу – березы, осинки, липы. Осмотрели и тянувшийся недалеко орешник, заглянули и дальше, через луга, через заброшенное заросшее поле – стернину...

– А вот и следы! Здесь кого-то вели, княже, – сойдя с тропы, Степан склонился к пурпурным соцветьям кипрея.

Не в силах сдержать любопытство, дерзкая атаманша тут же насторожилась, спросила:

– А почему – вели, а не просто – шли? И если вели – то кого?

– Отвечай, Степан Иванович, – разрешил Довмонт.

Тиун приосанился:

– Кого вели – не ведаю, а только воистину – не своей волею шли. Да еще с руками связанными. Вон, на тропинке след... поскользнулся кто-то... Вот чтоб ты, дева, сделала, чтоб не упасть?

– За эту б осинку схватилась, – не раздумывая, отозвалась разбойница. – А что?

– А то, – Степан Иванович хохотнул и пригладил бородку, остроконечную, аккуратно подстриженную, кою не очень-то жаловали на всей остальной Руси... кроме Пскова да Новгорода. – Сама ж говоришь – ухватилась бы. А тот, кого вели, не ухватился – упал. Вон, кустищи примяты.

– Твоя правда, – поглядев на смятые кусты, девчонка смутилась, но несильно, ее вообще мало что было способно смутить.

– Людокрады... – негромко промолвил князь. – Опять появились... Сволочи...

Ругательства «сволочи» по большому счету в те времена еще не было, оно еще появлялось только. На больших и не очень волоках обычно подвизались разного рода ватажки: помогали ладьи перетащить да и кой-что по мелочи, за не за просто так, конечно. Ватажники сии отличались буйным нравом и полным отсутствием всякого намека на благородство и хоть какую-то нравственность. Поскольку на волоках они не жили, а промышляли, как бы мы сейчас сказали «вахтой», то и вели себя соответствующе. Как всегда при родовом патриархальном строе. В своей деревне – тише воды, ниже травы, а вот на воле... Односельчан-соплеменников вокруг нет, не было кому присмотреть, пристыдить, наказать, если нужно. А нет, так и стесняться некого, и можно – всё. Красть, драться, пьянствовать. Девоч в чужой деревне украсть да пустить по рукам – «в толоки», корову с чужого двора свести, коней приبلудить... Вот и называли таких людишек – «с волока, с волочи». Людокрады именно такими сволочами и были.

– И куда их могли увести? – между тем вслух прикидывала Рогнеда. – Там дальше – болото, Маточкин Мох. Большое. И в полоцкие, и в литовские земли тянется. Страшная топь, кто там только ни водится... Забредешь, не выйдешь, ага.

Девчонка вздрогнула и понизила голос до шепота. Ничего не боялась разбойница, а вот болота Маточкин Мох, трясины этой гнилой – побаивалась. Впрочем, не столько самого болота, сколько тех, кто в этой трясине жил. Кикимор всяких, водяных, леших.

– Полоцк – немаленький град, – с молчаливого разрешения князя вставил свой голос тиун. – Торжище там большое. Торгуют и людьми.

Довмонт вскинул глаза:

– Людокрады?

– Они, князь.

Да, скорее всего, именно так и обстояло дело. Шайка людокрадов прихватила столь нужного для расследования парнишку... наверняка и не его одного. Прихватили и теперь вели через болото – в Полоцк. Верно, какие-то свои тайные тропинки да гати ведали.

Все так... Все логично... И все же...

Все же терзали Довмонта какие-то смутные подозрения насчет своих кровных врагов – выходцев из языческой Литвы. Войшелк, верховный князь всех литовских земель, конечно же, христианин, и не такой обманчивый, каким был его отец Миндовг, с легкостью необыкновенной переходивший из язычества в католичество и обратно. Войшелк – христианин. Но помощники-то его, воеводы – закоренелые язычники, если и принявшие христианскую веру, то лишь для отвода глаз да вида. Наряду с Иисусом Христом почитали и Дьяваса, и Пикуюлиса, и еще чертову уйму богов и божков, каждому из которых приносились жертвы... и часто – кровавые, человеческие.

Литовцы... Или все-таки – людокрады? Что тут литовцам делать? Им во Псков надо – Довмонта-князя известить, а не тут, по болотам ошиваться. Хотя... та девочка, скоморошница... какие-то чужие парни кинули ей янтарное ожерелье! Просто так... за песню, очень похожую на древнее литовское заклинание.

– Я бы не стала туда идти, – поглядывая на тропинку, Рогнеда опасливо попятилась. – Там – жуткая земля. И жуткие боги. Знаешь, князь, какие стоны раздаются там ночами? О, их никто не слышит. Только мы. Иногда мне кажется, что это болото – прямая дорога в Нифльсгейм,

мир вечного мрака, ледяной мир полуживых мертвецов! Именно там злобный дракон Нидхотт терзает свои жертвы. Он пожирает их медленно, чтобы...

– Не думаю, чтоб на болоте жил дракон, – перебил князь. – Скорее, там люди. Поможешь мне их поймать? Они ведь и твои враги тоже. Какие-то там чужаки шастают по твоей земле... Я бы не потерпел!

– Я не боюсь никого из людей! Ты знаешь.

– А с драконом я как-нибудь справлюсь. И с лешими-водяными – тоже.

Вообще-то Довмонт мог пойти и один, только лишь со своими верными спутниками. Недалеко. Пробраться болотами до самого Полоцка или Литвы он вовсе не собирался – на то имелись куда более удобные дорожки-пути. Здесь же, в трясине, называемой Маточкин Мох, у людокрадов, скорее всего, имелось убежище, где они прятали свой товар – украденных молодых дев, отроков. Прятали, а потом гнали тайными тропами на продажу. Преследуя похитителей людей, князь мог решить сразу две задачи: выследить людокрадов и отыскать ключик к зловещему убийству отроков – Кольшу. С чужой шайкой наверняка могла бы управиться Рогнеда – для того она и была сейчас нужна. Довмонт намеревался цинично использовать разбойницу в своих целях, а та вдруг на полном серьезе испугалась каких-то там сказочных драконов! И это – знаменитая атаманша, не боявшаяся ни смерти, ни крови, ни пыток.

– Ты видишь мой меч, – посматривая на тропинку, уговаривал князь. – Он выкован на острове Готланде. А ты знаешь, тамошние кузнецы испокон веков считались колдунами. Значит, и меч этот – волшебный. Кстати, я давно думал, что бы тебе подарить? Кольца и всякие там ожерелья-браслеты – как-то слишком убого.

– Ты! Хочешь!! Подарить!! Мне!! Меч!!!

Подпрыгнув на месте, девчонка едва не свалилась в кусты. Да свалилась бы, кабы Довмонт не поддержал, не подхватил под руку. Сказать, что юная разбойница была поражена до глубины души, значило ничего не сказать. Еще бы...

Меч! Не только весьма дорогостоящая вещь, но и сакральный символ. Подарить клинок означало выказать одариваемому самую высшую степень своего расположения, родичем признать.

Насчет Рогнеды князь именно такое и придумал... еще раньше, да все как-то не было случая, все как-то забывал. Да и меч, преподнесенный князю псковскими оружейниками, был действительно очень хорош. Конечно, не на Готланде выкован, но ничуть не хуже готландского.

– Ну, так ты дашь мне своих людишек? Некоторые, верно, знают это чертово болото. Вот, чувствую, где-то недалеко должен быть схрон.

Напрасно псковская надежда и опора (надежда и опора – без всяких кавычек, это и в самом деле было так) полагал, что юная атаманша его внимательно слушает. Какое там! Взбалмошная девчонка не отрываясь смотрела на меч, широко распахнутые очи ее сверкали, словно два изумруда.

И как тут было поступить? Князь своему слову хозяин: сказал – сделал. Улыбнулся, вытащил меч и, осторожно взяв его за клинок, протянул рукоятью к деве:

– Сей клинок зовется «Викинг»! Надеюсь, милая, тебя известно такое слово?

– Еще бы!

– Викинг! Вот ныне твоя новая хозяйка, – выпренно промолвил Довмонт. – Дарю тебя. Заклинаю тебя. Будь верен Рогнеде-деве, как был верен мне.

– Викинг... – приняв меч, разбойница истово поцеловала лезвие, с таким жаром, что едва не порезалась. – Викинг...

Из глаз девушки потоком хлынули слезы... Рогнеда беззвучно плакала, никого не стесняясь. Рыдала от радости, гордости и счастья! Не каждому, далеко не каждому дарили мечи. О простолюдинах речь вообще не шла – какой меч у простолюдина? Простолюдину меч не нужен, нужны только деньги да о собственной подлой шкуре забота. Меч – для того, кто готов

отдать всё. Кто готов на всё, кто отважен и полон презрения к смерти. Для кого вся жизнь – игра. Как для Рогнеды.

Обняв девочку за плечи, Довмонт заглянул ей в глаза и ласково молвил:

– Ну... больше не боишься драконов?

Разбойница улыбнулась:

– С таким мечом – нет. Этот клинок заколдован... я чувствую... вон, какой он горячий!

– Так мы сегодня куда-нибудь пойдем?

Юная атаманша пришла в себя довольно быстро. Повесила через плечо отданные вслед за мечом ножны, махнула рукой своим... Разбойники, кстати сказать, почтительно держались в отдалении, на глаза не лезли, прятались за деревьями и кустами. Князь даже не мог бы определить, сколько их – полдюжины, дюжина или намного больше?

– Юхан, Кнут, Славута... – быстро распорядилась Рогнеда. – Вы знаете трясину – пойдете впереди. Остальные... Сколько нам нужно людей, князь?

– И этих троих вместе с тобой – вполне достаточно.

Довмонт быстро прикинул расклад. Четверо – ну, пусть, шестеро – людокрадов, именно столько влезало в ту лодку, о которой рассказывали рыбаки. Вот, пожалуй, и все. Тайное убежище на болоте Маточкин Мох вряд ли могло быть очень большим – кто-нибудь о нем да прознал бы, а слухами земля полнится. К тому же крупную шайку давно заметили бы – те же люди Рогнеды. Нет, если и больше, то ненамного. Кроме тех, кто в лодке, еще охрана схрона – парочка человек.

Разбойники выглядели вполне солидно – здоровые молчаливые парни, чем-то неувовимо похожие друг на друга. Все плечистые, бородатые, со светло-русыми волосами, только один лишь чуть-чуть рыжеват. Впрочем, в лица их Довмонт не всматривался – не княжье дело. Рогнеда сказала, что это – ее верные люди. И больше ничего не надо было говорить – атаманше князь верил.

Кроме этих парней и самой атаманши, стоявшей в бою по крайней мере двух добрых бойцов, еще и князь со своими людьми. Всего получалось восемь. Наверное, где-то даже и маловато. К тому же сыскные вряд ли хорошо управлялись с оружием, все же не профессиональные воины, не из дружины. Подумав, Довмонт попросил у Рогнеды еще с полдюжины бойцов и кое-какое оружие. Себе, взамен меча, он выбрал небольшой шестопер – насажденное на рукоять увесистое стальное яблоко с шестью платинами-перьями. Несмотря на вполне изящный вид – орудие убойное, при хорошем ударе живенько башку расшибет. Да и не так тяжел, как палица – той инерции нет. Шлем, может, с первого раза и не пробьет, но ведь удар всегда можно подправить – угодить в забрало-личину. А уж, если забрала нет... так и глаз можно вышибить запросто.

Сыскные выбрали себе оружие попроще – короткие копыя, разбойники же в основном были вооружены секирами, ну и теми же копиями-сулицами, а кое-кто – и толстыми – на медведя – рогатинами. Ножи да кистени, к слову сказать, изначально имелись у всех, у разбойных же нашлись и луки со стрелами.

– Ну, что же... – оглядев всех молодцов... и одну девицу... Довмонт остался вполне доволен. – Можно и в путь. Чай, недалеко. Думаю, к вечеру обернемся.

Первыми двинулись в дорогу разбойники – они знали местность, за ними – князь со своими людьми.

– Господине-е-е! – закричал, догоняя, лодочник, про которого все давно уже позабыли. – Господине, а я? Мне-то что делать? Ждать вас, не ждать?

Псковский защитник обернулся:

– А, пожалуй, жди. Ежели к утру не явимся, гребни во Псков за подмогой. Именем Тимофея-князя скажешь! Сиречь – Довмонта.

Поклонившись едва ли не до земли, лодочник приложил руку к груди и еще долго провожал уходивших в заросли воинов самым преданным взглядом. После чего вернулся в свою ладейку и, расположившись на корме, пожаловался гребцам:

– Ну, мы, робяты, и попали. Прямо как кур во щи. Тут целую ночь ошиваться – несладко... и не подождать – нельзя. Ох, Господи-и-и... Ладно, там поглядим, чего делати.

* * *

Кольша Шмыгай Нос хоть и казался маленьким да глупым, но таковым вовсе не был. Нет, маленьким-то – да, но не полным дурнем. Кое в чем разбираться научился, такая уж жизнь была, что давала не пирогов, а в морду. Когда сбежал из лесу от злых людей, поначалу домой, на усадьбу к Мордухе-вдове подался. Мордуха хоть и врезала сразу же промеж глаз кулачищем – мол, где столько времени шляется? – но на улицу все же не выгнала и даже покормить велела. Не шибко-то, конечно, покормила, но миску вареной холодной полбы отороче навернул с удовольствием, только за ушами хрустело. Правда, часа через два снова проголодался, но это уже другая история.

После еды Кольшу сразу же двор подметать послали, а опосля – на задворье, навоз на огород раскидать. Вот и раскидывал отороче, работал вилами не покладая рук – так с виду казалось. На самом-то деле – не шибко-то и старался... Вернее – старался... работу до самого вчерашнего растянуть, или хотя б до полудня. Заодно, улучив момент, проверил свое сокровище – закопанный под кучею пфенниг. Цела была серебряха, на месте! Никакой гад не присвоил, не отыскал. Да и кому надобно в навозной-то куче ковыряться?

Вот и Кольша не ковырялся. Денежку обратно закопав, пошатался у забора – глядел, как его челядины ставят, да давал, стервец, советы, хоть никто их и не просил. Потом челядинам всякие байки рассказывал, чтоб они, если что, сказали вдовице – дескать, работал парнишка рук не покладая! Сама-то Мордуха этого всего не видела – в ближнюю церкву после обеда сходила да легла себе почивать.

Вот и осмелел отороче без пригляду. Уселся рядом с забором и давай языком чесать. Чего ж не почесать-то? Язык, чай, не вилы, не устанешь. Сначала рассказал челядинам про белого змея, что на дальних болотах водится, да всех проходящих ест, особливо – молодых девок.

– Они ему слаще, девки-то, – пояснив, Кольша глубокомысленно поковырялся в носу и уже собрался было продолжить, как вдруг увидел подходившего к воротам усадьбы мужика. Ростом хоть и невелик, да плечистый, жилистый. Пегаая борода, лицом неприметен... Да Шмыгай Нос сразу узнал того самого, из лесу... с берега... Вот он, убивец-то!

Мужик этот, конечно, Кольшу не видел, однако парнишка сразу насторожился – жизнь научила во всякие совпадения не верить. Ой, не зря живодерина этот пегобородый вокруг усадьбы круги нарезал, ой не зря! Вдруг да про Кольшу узнает что? Вдруг да начнет про отроков убиенных выпрашивать? Всякое ведь может быть, даже и то, чего вроде бы ну никак быть не может.

Насторожился отороче, с забора слез... Тут и хозяйка проснулась, послала парня с поручением на рынок. Шмыгай Нос поручение добросовестно выполнил – капусты два кочана, вдове торговцем одним обещанные, на усадьбу едва принес, до того тяжелые. Принес, снес на кухню, опять с челядинами словцом перекинулся, а тут, на кухне-то, и Никанор-закуп сидел-отдыхал. Вот Никанор-то и молвил про погибших. И еще добавил, мол, ищут и еще какого-то отрока... Какой-то мужик на Великой улице расспрашивал, у корчмы. Корчму на Великой Кольша знал, да и мужика не в меру любопытного, кажется, уже видел... вот здесь вот, рядом с усадьбой.

Вот тут парнишка и сообразил – ложка! В ней, заразе, все дело. Оставил ведь ее там, у кострища. Такие дела пошли, что некогда забирать было. Убивцы же, видать, ложки увидели да сообразили – четыре-то на троих многовато будет. Четвертого надо искать. Его – Кольшу.

Так Шмыгай Нос рассудил и тут же вечером сбег, прихватив закопанные под навозной кучей сокровища – серебряный пфенниг, конский волос, вытащенный по случаю из хвоста одного боярского коня, да кованый рыболовный крючок. Что ж – на первое время хватит.

Куда идти, Кольша знал – к скоморохам, их ватагу он еще раньше присмотрел на торжище. Там девчонка одна была, с виду добрая – шары да обручи кидала. За ней-то Шмыгай Нос и пошел... до самого берега Великой-реки, там уж к костру скоморошьему вышел, попросился покушать. Ватажники отрока не погнали, накормили ухой... Вот и прожил Кольша у скоморохов – маски помогал делать да рыбу ловил. Может, и прижился бы в ватаге, кабы не случай...

Под вечер уже сидел он себе на мосточках, рыбку удил... как вдруг видит – лодка. В лодке – двое парней... Еще двое сзади подошли – Колька не смог и дернуться, лишь удочку бросил, да сбежать не смог – вовремя не заметил подвоха. В общем, скрутили парня. Руки связали да на дно лодки бросили. Там уже еще и девчонка лежала, такая же – связанная. Не та, что со скоморохами, другая. Шмыгай Нос особенно к ней не приглядывался, думал – хорошо это все для него или плохо? Ликом судьба повернулась иль задом?

К кому попал, Кольша понял сразу. О шайках людокрадов два лета назад по всему городу слухи ходили. Правда, давно уже никакой такой шайки не было, но вот – случилась. Продадут теперь куда-нибудь далеко-далеко... зато жив останешься! И Мордухи злобной не видеть – тоже неплохо будет. Да, может быть, еще и сбежать от злодеев представится. Не такие уж они и умные: связать – связали, а вот обыскать забыли. Как был пфенниг у Кольши в кушаке запрятан, так там и остался. Этим же кушаком руки отроку и связали.

По реке плыли не очень долго. Как стемнело – пристали к берегу, но костра не разводили, так, в лодке и спали, у Кольши вся спина затекла. Утром людокрады все же отвели пленников в кусточки – по всяким неотложным делам. Однако присматривали зорко – не убежишь. Четверо парней – двое русоволосых, как сам Кольша, один – светлый-пресветлый, аж больно смотреть, и другой – черный, с такой же черной бородой. Этот бородач тут и был за главного. Ну, как же – у него ж одного борода! У других – усы только, а у светлого и усов-то нет. Совсем голый подбородок, как колено или чья-нибудь лысая башка. Правда, волоски торчали – просто небритый, да.

Большую часть пути людокрады молчали, а когда случалось говорить, общались промеж собою на каком-то непонятном языке. Не на том, на каком говорили рижские или дерптские купцы... Кольша догадался, что на литовском. Потому что раньше литвинов видел, литвины для псковичей никакая не тайна – живут-то недалеко, рядом. Значит, литвины... Впрочем, какая разница, кто? Хрен редьки не слаще. Главное – людокрады они, а уж кто там по крови – дело десятое.

Как рассвело, больше уже никуда не плыли, а шагали по узкой тропе. Лиходеи – впереди да сзади, посередине – пленники, Шмыгай Нос и еще одна девка, на вид – чуть постарше Кольши. Та все время не то чтобы плакала, а так, подвывала-скулила.

Ближе к полудню тропа уперлась в самую жуткую трясины! Правда, людокрады знали, где гать. Пленникам развязали руки, сунули по слеге... пошли... На небольшом островке остановились передохнуть да малость обсохнуть. Здесь, на островке злодеи не особенно-то и присматривали за будущим своим товаром. Так ведь и понятно – кругом трясины непроходимая, деваться некуда. Парни просто наказали пленникам оставаться на месте, справить все свои дела и ждать. Чего ждать? Да когда поведут дальше.

– Интересно, долго еще нам идти? – дождавшись, когда лиходеи скроются за деревьями, Кольша искоса взглянул на свою невольную спутницу. Светлоокая, с длинной косою, она чем-то напомнила мальчику молодую корову-нетеля. Такая же была молчаливая, покорная...

– Откуда ты? Тебя как звать-то?

– А тебе что за дело? – девчонка окрысилась, сверкнула очами с такой злобою, словно это он, Кольша, был заодно с людокрадами.

Отрок сразу же и увял – он вообще стеснялся, когда с девчонками. Тощий, уши лопухастые, да и вообще – руки-ноги в цыпках. Непредставительный, прямо скажем, вид. Дева посидела еще немножко, потом уселась на мох, привалилась спиной к дереву и, кажется, задремала. Кольше же не спалось почему-то. Терзали его юную душу разные смутные мысли и желания. К примеру, вдруг захотелось узнать – куда это ушли злодеи? Может, совсем-совсем ушли? Испугались чего-то да решили пленников на болоте бросить. Всякое может быть, в жизни-то чего только не случается, Шмыгай Нос это точно знал.

Островок с виду казался небольшим, но лесистым. Корявые сосны перемежались зарослями чернотала, ивы и вербы, у самого болота, в камышах, густо разросся ракитник, а чуть дальше от берега синел ельник. Вот в ельник-то людокрады и пошли – Кольша приметил.

Недолго думая, парнишка шмыгнул туда же. Старался идти незаметно, неслышно ступая босыми ногами по мягкому мху. Припекало, солнечные лучи расцвечивали повисшие меж еловыми лапами паутинки сверкающим невесомым золотом. Парней в ельнике не было, а вот дальше, на самом краю болота, в осиннике, слышались голоса.

Любопытный Кольша сделал еще пару десятков шагов, подкрался поближе, да там и совсем лег на брюхо, пополз по густой траве, распугивая лягушек и змей, остороженько выглянул...

Парни стояли на плоском мысу, вдающемся далеко в трясину, и пели. То есть не совсем пели, а мерно произносили какие-то слова, судя по всему – заклинания. Мыс казался голым – лишь пожухлая от солнца трава, осока и чахлые болотные кустики. На самом краю его торчало что-то светлое... Кольша прищурился, всмотрелся и разглядел вкопанный в землю кол. Небольшой, резной...

Лицами к этому колу и стояли злодеи. Что-то говорили... потом вдруг дружно бухнулись на колени, вытащили ножи... и к большому удивлению отрока, полоснули себя по запястьям... поднялись, подошли по очереди к колышку, щедро обмазывая его собственной кровью!

Идол! – Шмыгай Нос зажмурился в неопишемом ужасе, но тут же распахнул глаза. Нынче дрожать от страха некогда, нужно думать, как спастись. Вовсе не людокрадами оказались эти угрюмые парни – язычниками, волхвами! Именно про таких время от времени ходили по Пскову самые разные слухи один другого страшнее. Говорили, что таящиеся по урочищам язычники пьют человеческую кровь и приносят своим богам кровавые жертвы. И что все пропавшие молодые девы – дело их жадных рук. Много чего говорили... Правда, лицом к лицу никто язычников не видел и на требох их не был... что и понятно – живыми-то волхвы наверняка никого не отпускали.

Вот и эти не отпустят. Тем более не русские они, а литвины. А литвины – еще злее! До сих пор у себя в Литве, в лесах, бесов тешат погаными игрищами да кровь христианскую льют.

Бежать надо... бежать! Как вот только? Кругом трясина непроходимая – пропадешь, сгинешь.

Между тем парни закончили свои песнопения. Замотали запястья тряпицами, один из них – бородатый – поклонясь, вытащил идола из земли и бережно положил его в котомку. Переговариваясь уже куда более веселыми голосами, лиходеи направились к ельнику. Кольша вжался в траву...

Не заметили! Не увидели. Прошли мимо. В двух шагах совсем! Видно, сам святой Николай берег нынче Кольку. Этого святого Шмыгай Нос почитал куда больше других, потому как

однажды увидел его во сне. О чем тот сон был, отрок потом и не вспомнил, но вот святого Николая разглядел четко. Потом в церкву пошел, свечку пред иконкой поставил, помолился горячо...

Переговариваясь, язычники скрылись в ельнике, и теперь нужно было действовать быстро. Мальчишка решительно вскочил на ноги и бросился к мысу, словно именно там и находилось спасение, какой-никакой выход.

Ничего там не было! Кругом, куда ни кинь взгляд, трясина. Обманчиво зеленая, плоская, без всякого намека на чахлые деревца и кочки. Тянулась она, казалось, без конца и без края, лишь верстах в трех от островка голубел в зыбкой туманной дымке далекий смешанный лес.

На левом краю мыса рос куст можжевельника, к веткам которого были привязаны разноцветные ленточки – синие, зеленые, красные. Некоторые – даже шелковые. Отрок подошел ближе, потрогал... и вдруг увидел невдалеке от мыса – пень. Большой, разлапистый, покрытый серовато-зеленым мхом, он торчал совсем недалеко, в какой-то паре десятков шагов, неведомо как занесенный в трясины. Скорее всего, пнем просто отметили нужное место, быть может, начало гати или ее конец. Как бы то ни было, а за пнем, наверное, можно было бы попытаться...

Чу! В ельнике вновь слышались голоса. На этот раз – громкие, злые. И еще – свист.

Все! Рассуждать теперь некогда, пора действовать... тем более – нечего терять.

Перекрестившись, Кольша плюхнулся брюхом в трясины, поплыл... или пополз, подгребая по себе ряску, как уж тут сказать – никто не знал бы. Как ни странно, не утонул, не засосала мальчишку злая трясина... у пня только начала засасывать... да и то не слишком сильно. Да там вообще чистая водичка оказалась! Только сверху ряска, ага...

– Стой, гаденыш! Стой!

Ага, как же! Встанешь – так точно не выберешься... что-то просвистело над левым ухом. Брошенный нож? Стрела?

Глотнув воздуха, отрок нырнул под ряску и затаил дыхание, намереваясь поторчать там, под водою, как можно дольше... Долго, правда, не смог – слишком уж грудь сдавило. Пустив пузыри, беглец осторожно вынырнул с другой стороны пня, бесшумно вдохнул, уцепился за корни. Язычников он не видел... как, верно, и они его. Осталось лишь надеяться да молиться святому Николаю Угоднику.

Еще какое-то время слышались голоса, похоже – ругательства. Потом все стихло – видать, злодеи все же сочли отрока утонувшим. Проверять, не спрятался ли беглец за пнем, никто из парней не решился – оно им надо? Все одно, кроме как по гати, с островка никакого пути нет. Так что не так уж и повезло Кольше. Одно из двух – либо помрет отрок на этом чертовом островке с голодухи, либо в болотине сгинет, попытавшись выбраться. Что и говорить – невесело.

– Помоги, святой Николай Мир-Ликийский!

Выждав некоторое время, беглец мысленно осенил себя крестным знаменем, отцепился от пня и поплыл к острову... Поначалу плыл ходко, а потом едва не утонул, запутавшись в ряске, ну да святитель Николай помог. Выбрался Кольша на мысок, к кусточку... выполз, улыбнулся радостно... и ту же услышал издевательское, с едва уловимым акцентом:

– Ну и зачем ты, дурень, в болото сунулся? Навсегда здесь захотел остаться? Клянусь Перкунасом – теперь останешься! Один отрок у нас уже есть... второй не особо и нужен...

* * *

Через пять верст пути князь со своими людьми и разбойниками вышли к болоту Маточкин Мох. Трясина начиналась сразу за лесом и тянулась неизвестно куда, исчезая в предвечернем тумане. По краю болотины густо росли желтоватые камыши, осока и рогоз. Где-то неподалеку гулко кричала выпь, носились над самой ряской какие-то стремительные черные птицы.

Полчища жадно зудящих комаров атаковали путников, так что пришлось намазаться особой мазью, что нашлась у Рогнеды в переметной суме.

– Запасливая ты, – улыбнулся Довмонт, глядя, как юная атаманша ловко втирает мазь в шею и кисти рук.

Девушка покивала:

– А ты как думал? Здесь ведь кругом одни леса да болота. Комарья с мошкой – жуть! Говорят, в старину, в языческие еще времена, казнь такая была. Привязывали голого человека в лесу, оставляли комарам да мошке на съедение. Вот за ночь-то всю кровь из него и выпивали.

– Зря это все, – посматривая на своих спутников, неожиданно промолвил князь. – В это болото мы точно не сунемся.

Передав мазь Степану, разбойница подбоченилась:

– Почему ж нет? Коль уж начал делать – делай!

– Так ведь трясина непроходимая!

– Непроходимая? Ну, это кому как.

– Так ты знаешь путь! – потер руки надежда и опора Пскова. – Раньше-то что молчала, негодница? Ну, ладно, ладно, не дуйся. Знаешь – так пойдем. Там, за болотом – что?

– Сначала, по гати, небольшой островок – Комариный.

– Хорошее название, доброе.

– Там и отдохнем, а к ночи ближе на Черный остров выйдем. Он большой, длинный, – Рогнеда развела руки в стороны, словно хвасталась пойманной рыбой. – Если супостатов твоих там увидим – нагоним. Если нет – уйдем. Дальше я там тропинок да гатей не ведаю. Чужая земля.

– Так и сделаем, – согласно кивнул Довмонт.

На краю болота оставили лошадей и с ним двух парней из шайки – стеречь. Дальше зашагали по гати, вслед за Рогнедой. Тайная болотная тропа почти вся скрылась под ряской, так, что совсем не было видно, куда ставить ноги. Однако юная атаманша шагала вполне уверенно и быстро, вовсе не пользуясь слогой. Видать, неплохо знала путь... или условные знаки. К примеру – вон тот большой серый камень, или вот ту кривую сосну... одинокую высохшую осину с алой ленточкой на верхушке. Над путниками тучами вились комары... правда, не кусали – мазь оказалась весьма действенной.

Гать постепенно поднималась, вот уже и показались, стали видны бревна. Настил вел прямо на островок, поросший чахлыми кустами и ельником. Верно, это и был Комариный.

– Всем – отдохнуть, оправиться, – выбравшись на берег, Довмонт улыбнулся. – Мальчики – налево, девочки – направо. Впрочем, у нас тут лишь одна девочка...

Разбойница отмахнулась, но послушно пошла направо, в заросли можжевельника, за которыми виднелась приземистая кривая сосна. Вернулась юная атаманша очень даже быстро, весьма озабоченная. Подошла, взяла князя за руку:

– Ты должен это видеть. Идем.

Бросив беседу, Довмонт послушно зашагал сзади. Рогнеда никогда слов на ветер не бросала. Если сказал – «должен», значит, нужно было идти.

– Вот, – протиснувшись сквозь можжевельник, разбойница указала на сосну...

К ее корявым ветвям был привязан голый по пояс отрок, и тучи зудящих комаров не оставляли никаких сомнений, зачем это было сделано.

– Казнь, – тихо промолвила девушка. – Похоже, он мертвый уже. Помоги снять.

Князь вытащил нож и, подойдя к сосне, перерезал связывающие мальчишку путы... Несчастный вдруг дернулся, застонал, бледное лицо его скривилось от боли...

– Мазь! – Рогнеда бросилась обратно.

Уложив отрока на траву, князь достал плетеную баклажку:

– Пей! Вот так... во-от... Не подавись только.

Отрок принялся жадно пить, быстро звучно глотая. Тут подоспела и разбойница, обмазала мазью грудь и спину мальчишки, улыбнулась...

– Волдыри спадут скоро, ага... Князь, я думаю, ему поспать надо. Хотя бы чуть-чуть...

– Не надо, – слабая улыбка тронула побелевшие губы. Светлые глаза распахнулись, насколько могли. – Я спать не хочу... А вот попить... и еще – поесть бы...

– Пей, отроче. – На этот раз мальчишка взял баклажку сам. Приложил к губам и блаженно зажмурился...

– Вкусный-то квасок! Благодарствую.

– Пей-пей... Сейчас еще и похлебкой попотчuem. Любишь, поди, гороховую-то, да с салом?

– Угу! Только у меня ложки нет. Потерял.

Услыхав про ложку, Довмонт невольно вздрогнул и повнимательней присмотрелся к спасенному. Тощий – одни ребра торчат. Узенькое бледное личико, синие большие глазенки... совсем как у святых на греческих иконах. Ресницы длинные, как у девицы, волосы грязные – копной... так что и ушей оттопыренных не видать.

Ложка... уши... Так это ж... Ну, сразу же догадаться можно было!

Князь вскинул брови:

– Тебя ведь Кольшей зовут?

– Угу. Кольшей. Я на Застенье, у Мордухи-вдовицы, живаху.

Парнишка даже не испугался – не было сил. Не дернулся, лишь моргнул глазами, скромно попросил похлебки.

– А то чую – пахнет уже, спасу нет!

– Кушай, кушай, – Довмонт ласково потрепал отрока по голове и прищурился. – А потом расскажешь мне все. Очень и очень подробно.

– Зачем – потом? Я и сейчас могу. Похлебки только еще налейте.

– Нальем, нальем, отроче. Кушай.

Спасенный рассказал всё. Что знал, конечно. Про то, как побежал в лес за хворостом – что его и спасло. Как увидел из-за деревьев чужих людей и немецкую барку. Как убили чужаки отроков – Еремеевых братцев и Овруча Микитку.

– Быстро так убили, ловконько. Ножиком – р-раз – и всё.

– Так злодеи, значит, с барки явились? – уточнил тиун.

Кольша дернул шеей:

– Не-а, не с барки. Барка-то и не подошла еще. Лиходеи из лесу вышли, к костру.

– А выглядели? Выглядели они как?

– Как обычно. Одного я больше запомнил – плечистый такой здоровяк.

– И узнать сможешь? – не поверив, переспросил Степан.

– Этого плечистого – смогу. Я его потом у нашей усадьбы видел. А вот второго... второго – может, и узнаю, а, может, и нет. Не разглядел толком.

После всего прочего дошла очередь и до людокрадов.

– Не-а, никакие они не людокрады – язычники! – облизав ложку, отрок тряхнул падавшей на глаза челкой.

Довмонт резко насторожился – самые худшие его опасения, похоже, сбывались.

– Язычники? С чего ты взял?

– Так кусты ленточками украсили. И еще идол у них был – они его кровью мазали.

– Идол?

– Идол, идол. Плюгавый такой, мелкий.

Кольшу оставили на островке. Не одного – с тиуном Степаном Ивановичем, получившим задание еще разок отрока разговорить и, вообще, побольше с ним болтать – может, еще что и выплывет. Ну, тиуна учить не надо было. С другой стороны, и сам-то парнишка был еще слишком слаб, чтобы куда-то идти, тем более – по болоту... да и дорогу на материк знала одна лишь Рогнеда.

Снова потянулась трясина, зачавкала под ногами путников зыбкая, едва видная, гать. Шли все так же быстро, но долго, дольше, чем до островка. Уже небо сделалось синим, уже заблестела прозрачным серебром молодой месяц, красуясь среди танцующих звезд. Темнело, болото прямо на глазах затягивалось зыбким туманом, со всех сторон слышались какие-то жуткие звуки – громкие и не очень. Кто-то кричал, выл утробно... а вот – гулко и злорадно захохотал! Настолько резко, что сыскной парень Кирилл Осетров вздрогнул и едва не завалился в раску. Зря испугался. Конечно же это была обычная болотная выпь.

Идущая впереди Рогнеда вдруг замедлила шаг и остановилась. Обернулась, махнула князю рукой:

– Ну, вот он, Черный остров. Пришли.

Он и впрямь выглядел черным, это остров посреди бескрайней трясины, тянувшейся до литовских непроходимых пуш. Черные деревья, казалось, вставали прямо из тумана, полусгнившие бревна гати торчали из-под ряски черными перебитыми ребрами, а впереди угрюмо чернели огромные валуны.

– Осторожней надо, – на всякий случай предупредила разбойница. – И тихо всем. Не болтать.

Да болтать никто и не собирался, окружающая обстановка как-то не особенно-то и располагала к милой и приятной беседе. Скорее, наоборот. Черные угрюмые ели словно сдавили путников, густой промозглый туман заползал под одежду, где-то невдалеке вдруг послышался звериный рык. Кто тут мог быть, интересно? Волки? Росомаха? Рысь?

– Тут полянка недалеко – заночуем, – Рогнеду сейчас и сам князь признавал за главную – понятно, почему.

Выйдя на поляну, усталые путники наскоро подкрепились разбойничьими припасами и повалились прямо в мох. Лишь кое-кто не поленился наломать лапника, большинство же обошлось собственными плащами. У кого, они, конечно, имелись. Впрочем, было довольно тепло, клубившийся над болотом туман тянулся только до леса, а здесь, на полянке, и вовсе исчез, растаял, словно речной лед поздней весной.

Довмонт с Рогнедою улеглись рядом, укрылись одним плащом... и тут же заснули – умаялись. Перед тем как провалиться в зыбкое марево сна, князь вдруг услышал донесшийся неизвестно откуда крик. Жалобный крик боли и ужаса, скорее даже – стон.

Впрочем, может быть, показалось, ну, а не показалось – так что? Шастать по незнакомому лесу во тьме оказалось решительно невозможно. Так или иначе, нужно было дожидаться утра: так лучше уж отдохнуть, как следует выспаться, а не прислушиваться ко всяким там воплям.

Довмонт выспался и распахнул глаза рано. Еще только лишь начинало светлеть, низкое небо алело зарею, и первые лучики солнца окрашивали золотом мягкие подбрюшья редких кучевых облаков.

Что-то сразу же показалось не так... Ну, конечно! Разбойницы рядом не было. Видать, поднялась уже... да пошла по своим женским делам... естественного плана. Скомандовав подъем, надежда и опора Пскова подался к болоту – со сна хотелось умыться. Примята, со сброшенною росой, трава, красноречиво свидетельствовала о том, что в этом вопросе князь вовсе не был первым. Кто-то из воинов... Нет! Ну, конечно – Рогнеда! Кто же еще-то, а?

Юная красавица стояла на самом краю острова, на узкой полоске песка. В подвернутых узких портах, босая, в одной лишь нижней рубашке. Каштановые локоны ее, обычно распу-

щенные по плечам, на этот раз были стянуты в тугой узел. Чтоб не мешали! Ибо Рогнеда не просто стояла... О, нет! Девушка активно махала руками, подпрыгивала, имитировала удары... А растяжка у нее оказалась такая, что обзавидовалась бы любая балерина!

Ох, как... Удар! Еще удар! Прямо каратистка какая-то! Игорь и не знал, что в то время уже практиковали подобное... Оказывается, практиковали. Впрочем, и сам князь кое-что умел.

Вышел из зарослей, улыбнулся:

– Здесь бы порезче надо.

– Не пошел бы ты лесом, князь!

– Тебе тоже доброго утречка.

Довмонт подошел ближе... улыбнулся ее шире... и вдруг обнял рассерженную девчонку за талию, прижал к себе и с жаром поцеловал в губы. Разбойница не стала разыгрывать из себя ни злобную фурию, ни скромницу. Просто прильнула, обняла молодого человека за шею... Князь развязал тесемки, стягивающие сорочку Рогнеды, скинул рубаху и, взяв девушку за руку, повел за деревья...

С внезапно нахлынувшей страстью любовники покончили быстро – следовало спешить. Уже стало достаточно светло для того, чтобы попытаться отыскать язычников и схватить их...

– Лучше просто убить, – одеваясь, посоветовала Рогнеда. – Все равно они ничего тебе не скажут. Разве ты сам не литвин?

– Знаю, что не скажут, – Довмонт согласно кивнул, прислушиваясь к утреннему щебету птиц. – И все же – хочу поговорить. Сам им кое-что расскажу и, может быть, предложу службу.

– Язычникам?!

– Ну, лиходейка же у меня есть!

– Я тебе не служу! – юная атаманша осклабилась, фыркнула, словно рассерженная кошка. Красивая – не оторвать глаз! Особенно когда сердится. Эх, был бы фотоаппарат...

Все же Игорь-Довмонт не любил Рогнеду по-настоящему. По-настоящему он любил лишь одну Оленьку, Ольгу. Любил и знал: он встретится с ней не только во снах, но и наяву, здесь, в этой жизни. Так предсказала когда-то юная куршская жрица по имени Сауле-Солнышко. Много чего пережившая в этом мире дева, к которой князь испытывал самые светлые и теплые чувства... такие же, как и к этой безбашенной атаманше. Впрочем, в воинских и разбойничьих делах Рогнеда вовсе не казалась безбашенной. Наоборот совершенно!

– Что мы должны искать? – когда все собрались вместе, спросила разбойница. – Становище, новую гать, место, где содержат пленников... Что?

– Капище!

Князь сказал, как отрезал – коротко и ясно. Тем не менее Рогнеда все равно не постеснялась уточнить:

– Что там должно быть? Берег, деревья, пустошь?

– Скорей, опушка, – пожал плечами Довмонт. – И какая-нибудь рощица. Березовая, а лучше – дубовая. Язычники-литвины очень уж любят дубы.

– Варяги тоже... – девушка усмехнулась и сухо, по-деловому, кивнула. – Есть тут, недалеко, одна дубрава. Подходит?

– Вполне, – довольно протянул князь. – Думаю, взглянуть стоит.

– Тогда идем.

Все вновь пошли следом за Рогнедой. Разбойники, Довмонт с шестопером, сыскные парни с короткими метательными копьями-сулицами...

Подул верховой ветер, принес прохладу, потащил по небу темно-серые кустистые облака-тучи. Потянуло на дождь, но еще не дождало, да ветер и не унимался, дул, пусть не сильно, но уверенно, постоянно, разносил тучи, не давая пролиться ливнем. Небо все так же синело, как и ранним утром, только уже не случилось зноя, и это было очень даже хорошо.

– Вот! – останавливаясь у орешника и колючих зарослей малины, Рогнеда указала рукой. В просветах меж ветками виднелась залитая солнечным светом опушка, зеленая от высокой травы. За опушкой дружно шумели листвою молодые дубки, а перед ними... перед ними, на врытых в землю столбах висели люди. Судя по всему – уже мертвые.

– Стоять! – свистящий шепот князя напрочь перекрыл воинам все их желание немедленно подойти, глянуть.

– Рогнеда, – не повышая голоса, Довмонт перевел взгляд на юную атаманшу и поинтересовался тропинкой: – Всегда ль она такая заросшая – едва пройти.

– Ест и другая тропа, пошире, – столь же тихо отвечала разбойница. – Я же вела вас напрямик.

– Хорошо. Сейчас посмотрим.

Взяв с собой Рогнеду и Осетрова, князь вышел на широкую тропинку, натоптанную следами множества людей.

– Однако тут их вовсе не четверо и не полдюжины, – покачал головой надежда и опора Пскова. – Гораздо, гораздо больше... Рогнеда, хорошо ль твои парни управляются с луками?

Девушка фыркнула:

– Да не хуже меня! Хочешь проверить?

– Думаю, что придется... Вот что, оставим-ка их в орешнике. Пусть будут наготове и ждут...

– А чего ждать-то, княже? – это уже спросил лупоглазый разбойник с добрым и каким-то наивно-детским лицом. Спросил, как только вернувшийся после осмотра тропы Довмонт сказал, что им нужно делать.

Князь инструктировал недолго:

– Чего ждать – сами увидите. Чай, не малые дети уже. Предупреждаю только, стрелять, как рукой махну.

Вот это лучники поняли, засели в кустах, приготовили стрелы...

Двое остались с лошадьми, один – тиун Степан Иваныч – на островке, с Кольшей, – на ходу прикидывал Игорь-Довмонт. Остается чертова дюжина – тринадцать. Из них сам князь и его люди – трое, остальные разбойники, из которых доверять по большому-то счету можно только Рогнеде. Впрочем, эта взбалмошная девчонка держала своих людишек в узде, а как уж ей это удавалось – бог весть. Юную атаманшу в шайке уважали, а некоторые – и побаивались, к тому же зеленоглазая красotka служила лесным татям еще и в качестве талисмана, ибо никогда не выпускала из своих тонких, но крепких рук неверную птицу-удачу.

Лучников оказалось шестеро, их всех князь, не раздумывая, оставил в засаде. Ведь кто знает, сколько этих язычников на самом деле?

– Господи-и-и... – сыскные парни – Кирилл и Семен – разом перекрестились, как только увидели трупы, распятые на вкопанных в землю столбах.

В основном – молодые, даже юные, девы. Нагие. У каждой – содрана кожа со спины, у каждой – перерезано горло.

– Чтоб помучились, – пояснила Рогнеда. – Но недолго. Ножом по горлу – чик. Кровушка бы-быстро вытечет.

– Смотрите-ка, тут и парень, – показал рукой один из разбойных, здоровущий черноусый бугай – косая сажень в плечах.

В отличие от несчастных девчонок, отрок был одет. Длинная, до самых пят, рубаха, ослепительно-белая, с вышивкой красными шерстяными нитками по вороту, подолу и рукавам. Поверх рубахи – алый шелковый плащ. По тем временам – вещица дорогушая неимоверно. Шелк-то из далекого Китая привозили, как зеницу ока берегли. На подол праздничного каф-

тана полоску пришить, нарукавники справить, богатство свое показать – и то за счастье. А тут – целый шелковый плащ! На покойнике. Окромя же плаща – еще и серебристый шлем! Так вот, на голову мертвую и надетый. Привязан надежно ремешками – не спал, когда голова свесилась. Да! И ни капли крови. Лишь на шее – красный рубец.

– Задушили парня, – подойдя ближе, покачал головою Довмонт. – Впрочем, не его – меня. Смотрите, что на плаще-то вышито...

– «Кунигас Даумантас» – корявились на плаще желтые шитые буквы. Латынь. Но политовски. Видать, чтоб богам было понятно, кого имели в виду. Что ж, теперь никаких неясностей не осталось. По княжью душу явились язычники из не такой уж и далекой Литвы. Именно так и никак иначе.

– Хоп! – кто-то рядом хлопнул в ладоши, и все дружно повалились в траву, пропуская просвистевшие над головами сулицы.

Копья летели из дубравы... оттуда же выскочили дюжие парни с секирами и мечами. Около дюжины человек... Нет! Уже две!

Вскочив на ноги, Довмонт обернулся к орешнику и махнул рукой... Тут же крикнул:

– Лежа-ать!

...и сам грохнулся наземь!

Ох, не зря князь оставил засаду. Меткие разбойничьи стрелы сразу же вывели из строя добрую половину язычников! Остальные, сообразив, в чем дело, схоронились в зарослях... Правда, долго не высидели.

Здоровенный молодой бугай с нечесаными патлами и бородою вдруг поднялся на ноги и, не торопясь, вышел на опушку. Оглянулся с ухмылкой и, скинув рубаху, ударил себя кулаком в грудь:

– Выходите, трусы! Кто там у вас за главного? Выходи!

Язычник казался огромным. Ростом около двух метров, с широченными плечами и буграми мускулов, грозно перекатывающимися под потной кожей, он чем-то напоминал быка. Чуть наклоненная голова, поистине бычий загривок, мощная, покрытая синими татуировками грудь. Приплюснутый нос, в который так хотелось вставить кольцо, маленькие, дышащие невиданной злобой, глазки, сверкающие из-под массивных надбровных дуг. Руки... несоразмерно длинные руки... как у орангутанга... впрочем, не совсем...

Неандерталец! Да, да – именно он. Игорь-Довмонт ахнул – неужто подобные существа еще сохранились в диких литовских лесах? Да нет, наверное, уж никак не могли. Просто похож. Один тип.

Правой могучей ручищей бугаина сжимал огромную суковатую дубину, больше напоминающую вырванное с корнями дерево. Впрочем, свое грозное оружие язычник тут же отбросил в сторону, чуть не пришибив кого-то из своих. Выбросив, вытянул вперед руки и пошевелил корявыми пальцами...

– Ну, идите же, трусы!

Бахвалился, нехристь. Поединщика ждал. Что ж, будет тебе поединщик!

Довмонт поднялся на ноги... Но его тут же опередила чья-то стремительная и ловкая тень.

Рогнеда!

В три прыжка безбашенная девчонка оказалась рядом с бугаем. Ухмыльнувшись, сняла перевязь с мечом – недавним княжеским подарком – нагнулась, аккуратно положила в траву. Потом вдруг резко распрямилась, словно пружина, подпрыгнула, метнулась стрелой, уже в воздухе вытянув ногу и ударив язычника в лоб!

Хороший вышел удар! Иного бы враз снесло напрочь... да только не этого быка! Дерзкое нападение разбойницы лишь раззадорило «неандертальца». Хмыкнув, он помотал головою и глухо, по-звериному, зарывав, с неожиданным проворством бросился на девчонку. Та даже не

успела сообразить, что происходит... Издав жуткий крик, язычник сгреб атаманшу в охапку, тут же сорвав с нее рубаху и порты. Заломив девушке руки, глумливо осклабился...

Все произошло очень быстро... и что-то еще должно было вот-вот произойти. Что-то очень мерзкое, гнусное...

Довмонт раскрутил на бегу шестопер...

«Неандерталец» громко завыл, рассупонивая штаны...

Князь метнул свое оружие...

С громким противным хлюпаньем перья шестопера впились в череп врага. Прямо в лоб!

Бугай замер. По щекам его потекла темная кровь пополам с мозгами... корявые пальцы разжались, выпуская жертву...

Оскорбленные в своих лучших чувствах язычники выскочили из кустов, явно намереваясь как следует проучить наглецов, не дать им ни малейшего шанса на спасение!

Подбежав, князь схватил разбойницу за руку и потащил за собой. Куда угодно, лишь бы не оставаться здесь, на опушке.

Горячие поклонники Перкунаса между тем ловили своими телами стрелы. Впрочем, эти суровые парни презирали смерть... как презирали теперь и бывшего литовского кунигаса. Видано ли дело? Не ответил на вызов. Девку вместо себя подослал, трус. Да еще так подло убил – унизил! – славного поединщика. Побоялся схватиться по-честному, один на один, как и положено воину. Поступил, как подлый трус, да падет на него вечное презрение!

Язычники-литовцы всегда отличались не только презрением к смерти, но и некой особой моралью. Только вот Даумантасу с недавних пор было плевать на мораль, особенно – на первобытную. Игорь-то был современный человек – циник. И действовал, и поступал – соответственно. Совершенно напрасно наивные почитатели уже ждали от князя соответствующего поведения, совершенно зря! Просчитались, увы.

– Добейте всех, – покинув свое убежище, приказал Довмонт.

Кто-то из валявшихся в траве литовцев, скрипя зубами, из последних сил бросился на князя... и тотчас же наткнулся на нож.

– Только умоляю – никого не пропустите, – вытащив клинок из обмякшего тела, князь без всяких эмоций вытер его об рубаху убитого и подошел к Рогнеде.

Разбойница уже успела одеться и теперь, усевшись под дубом, натягивала сапоги. Завидев приятеля, девчонка улыбнулась, пожаловалась:

– Вот ведь свинья! Рубаху всю разорвал... Теперь только новую.

Князь присел рядом, погладил подружку по плечу:

– Да не шибко-то и разорвано. Зашить – и все дела.

Зря такое молвил! Вскинулась красавица дева, очами сверкнула, едва по заливку не огрела:

– Ты мне штопаное предлагаешь носить?

– Извини, – развел руками Довмонт. – Подарю тебе рубаху. Тебе какой цвет по нраву? Лазоревый?

– Ну да, лазоревый. Ты же знаешь! И... чтоб вставки шелковые по подолу были.

Пришлось обещать, чего уж. Главное, потом не забыть бы и про рубаху, и про вставки шелковые.

Погибших литовцев князь велел похоронить в общей могиле, в изголовье которой воткнули дубовый кол. Отправив всех прочь, Довмонт задержался, украсил кол цветными ленточками, оторванными от подола плаща:

– Прими, великий Перкунас, этих славных парней. Они были добрыми воинами здесь... столь же истово будут служить и тебе. Пусть светит их душам утренняя звезда Аушрос Варта.

Довмонт не испытывал никаких сомнений относительно правильности своих действий. Язычников нужно было добить, ибо они ничего не сказали бы. И тогда какой толк тащить за собой раненых? Выхаживать будущих мстителей? Ну уж нет, не дождетесь.

Прихватив с болотного островка Кольшу с тиуном, князь и его люди простились с разбойниками на берегу реки. Там, где их терпеливо дожидалась резная ладейка, точнее говоря – ее чернобородый хозяин и два его холопа-гребца. Попробовали бы не дожидаться, ага!

* * *

Уничтожение язычников-литовцев явилось хотя и важным, но все же побочным делом: главной своей цели – отыскать пресловутых убийц и выяснить их мотивы – Довмонт и его люди так и не достигли. Разве что отыскиали сбежавшего отрока – Кольшу, и это можно было считать продвижением. Раз какие-то злодеи его ищут, так можно было использовать парнишку в качестве живца. Что и делали. Правда, результатами покуда похвастаться не могли.

Как ни отпирался Кольша, а все же пришлось ему вернуться на усадьбу к тетке Мордухе. Только теперь рядом с усадьбой всегда ошивался кто-нибудь из сыскных – Осетров Кирилл или Семен, а то и сам Степан Иванович, тиун. Впрочем, на повседневную жизнь отрока это никак не влияло. Тяжелая на руку вдовица по-прежнему заставляла Кольшу работать от зари до зари, да, не стесняясь, била. Как всегда. То затрещину влепит, то ногой пнет, а бывает – и велит выпороть на конюшне. Чаще всего – не за дело, а чтоб место свое знал.

Терпел Кольша. С обидой, но терпел. Каждый день ждал, когда же убийцы объявятся? Вот, как схватят их, так Степан Иванович, тиун, обещался отрока к себе в рядовичи взять да приставить к сыскному делу. А что? Все по закону, по «Правде русской». Колька Шмыгай Нос ведь не челядин, не холоп обельный, не закуп и даже не смерд. Сам себе хозяин! Захочет, сей же час от вдовицы уйдет. Было бы куда только.

Одновременно с ловлей убийц на живца сыскные занялись и немцем. Тем самым шкипером с барки «Красная корова». Как помнил князь, звали шкипера Йост Заммель. Герр Йост Заммель из Ревеля. Можно, конечно, было схватить подозрительного немца за шкрябень, да в пыточную. Глядишь, и поведал бы что-нибудь... Или – не поведал бы, если и впрямь – ни при чем. Однако ссориться с иностранными купцами для Пскова было бы очень невыгодно, ни посадник, ни вече на такой шаг не пошли бы. Пришлось действовать тайно, на свой страх и риск.

– Шкипера брать покуда не будем, – лично предупредил тиуна Довмонт. – А последить – последуем.

– А если он ничего делать не будет? – Степан Иванович вскинул глаза. – Просто дождется конца торговлишки да поплывет к себе в Ревель. Так мы и не узнаем ничего.

– Уплывет, значит, и впрямь ни при чем, – нахмурился князь. – Тогда зря мы на немцев грешили.

– Как сказать, княже. Как сказа-ать, – покачав головой, тиун пригладил бородку. – Если предположить... предположить только, что шкипер Йост Заммель – соглядатай орденский... или епископа ревельского человек – не важно. Важно, что тогда он должен здесь, в Пскове, своих людей иметь. И как-то с ними связываться... как и они с ним. Сведения важные передавать.

– Немец, конечно, во Пскове птица не редкая, – вслух предположил князь. – Однако на виду, проследить можно.

– Да можно! – тиун хохотнул и устало прикрыл веки рукою. – Ежели он хоть что-то делать начнет. Встретится с кем-нибудь, записку передаст через торговых отроцев... Или, наоборот, ему передадут. Ежели во Пскове что-то важное вдруг случится.

– Случится, – неожиданно улыбнулся Довмонт. – Обязательно случится... и не вдруг, а сегодня же.

Князь громко расхохотался, уж больно забавно выглядел в этот момент Степан. Посмеявшись, кликнул слугу да угостил собеседника квасом... Заодно угостился и сам, после чего продолжил, заявив о том, что собирается внести важные изменения в строительство новой городской стены.

– У меня сегодня совет тайный... Ежели среди вечных славных мужей предатель, согладаясь немецкий... так он может и...

– Полагаете, и его возьмем?

– Если шкипер при делах – обязательно достанем! Хватило б для слежки людей.

– А вот это уже моя забота, княже.

Шкипер засуетился уже с утра! Обычно он день-деньской безвылазно сидел у себя на барке, отлучаясь разве что в выстроенную на берегу общественную уборную, а тут вдруг проявил необычайную активность. Спустился – бегом сбежал – по сходням, бросился сначала в немецкую церковь, недавно выстроенную на дворе заморских гостей – купцов, затем в корчму на Застенье, где и засел с кружкой свежесваренного пива в обществе двух рижских приказчиков и одного подмастерья.

– Собеседники, похоже, случайные, – тут же доложили князю. – В уборной же, на стенке, кто-то две полосы углем провел – условный знак, верно. Ранее никаких таких полос не было.

– Ага! – Довмонт радостно потер руки. – Все ж засуетились, суки! Теперь и у себя предателя вычислим... и немца на горячем прихватим. А, Степан Иванович? Так?

– Так – да не так, – скептически кривил губы тиун. – Они ведь лично-то встретятся вряд ли. Разве что немца пытать... Так, а что на это посадник скажет? Вече?

– Это да-а, – вздохнув, князь с досадою покусал губы. – Верно мыслишь, Шара... тиуне! Не дадут нам санкции на арест.

Сыскной вскинул глаза:

– Чего нам не дадут, княже?

– Схватить не дадут. И в пыточную кинуть не разрешат. Эх! И как тут работать?

Про то, что в высших городских кругах есть предатель – а то и не один, – Довмонт догадывался давно. Не могло так быть, чтоб не было! Кто-то обо всем докладывал в Новгород, кто-то – великому владимирскому князю, а кто-то – немцам, архиепископу дерптскому, или того хуже – ордену. Немецкая партия во Пскове всегда была очень влиятельной, многие не видели ничего худого в том, чтобы вместо присланного из Новгорода посадника посадить наместника великого магистра с отрядом рыцарей и кнехтов. Тевтонец точно так же защищал бы Псков от чужих притязаний... в том числе – и от Великого Новгорода, надоедливого старшего брата. Так что многочисленные шпионы окопались во Пскове крепко, и взять их вот так, за здорово живешь, нахрапом, было никак не возможно. Даже и связного – того же шкипера – просто так не взять! Схватишь – обязательно прознают, обязательно найдутся защитники, поднимут вой...

– Схватить, может, и не схватим, – задумчиво глянув в оконце, промолвил князь. – Но кое-что вызнаем, точно. Глаз со шкипера не спускать! Чувствую, ох, не зря он засуетился.

Довмонт, конечно, не выдержал, решив принять личное участие в деле. Степан Иванович, тиун, к слову сказать, был этим решением весьма доволен. Еще бы – сам князь брал на себя ответственность за всё!

В корчме на Гончарной улице, что на Застенье, ближе к вечеру стало довольнолюдно. Прослышав про свежее пиво, потянулись с пристани заморские гости – не только корабельщики, но и приказчики, а то и сами купцы. Хватало и своего, обычного, люда – по пути из

города заглядывали в корчму и бродячие, и артельщики, и крестьяне, и вот, скоморохи – пели, играли, ходили колесом.

– Ах, дуда моя, дуда... Ах, дуда, ох, дуда!

Да вприсядку! Да с трещотками. Да с бубенцами! Весело!

По мысли князя, скромненько притулившегося в дальнем углу, дело шло к хорошей драке. И таковая не замедлила начаться. Кто-то кого-то толкнул, случайно или намеренно – бог весть. То ли немец – русского, то ли русский – немца. Да еще и датские – из Ревеля – купцы были, и шведы. Да и русские – вовсе не заодно. Псковичи, новгородцы, полоцкие... разные все.

Началось!

– А, так ты нас не уважаешь? Вот тебе, собака!

– От собаки слышу, ага!

Удар! Хороший, увесистый – прямо в лоб. Ответка – слева в скулу – прилетела незамедлительно. Тот, кто бил первым – рыжебородый мастеровой в серой свитке – отлетел в угол, упав прямо на князя.

Довмонт вежливо посторонился – да не тут-то было! Плечистый, с глазами навывкате, парень – второй забияка, – подскочив, схватил князя за ворот, занес для удара руку:

– А! Да вы все заодно тут!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.